

Вл. Ленскій.

Душа человѣческая.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Возвращеніе съ военной службы въ родное Заборье было для Микоши болѣе печально, чѣмъ онъ могъ ожидать. За три съ лишнимъ года, что онъ не былъ дома, отецъ его, старій Жудра сильно поддался, ослабѣлъ, одряхлѣлъ, ходилъ сгорбившись, потерялъ почти всѣ зубы и говорилъ такъ, что его временами трудно было понять. Домъ и хозяйство были запущены; со старикомъ жила его сестра, тетка Микоши, Параня, шестидесятилѣтняя старуха, тоже дряхлая, едва управлявшаяся у печи,—и они оба жили только ожиданіемъ, что вотъ придетъ Микоша и все устроитъ, и тогда будетъ хорошо. Старикъ свою землю не обрабатывалъ и не засѣвалъ, занимался только рыбной ловлей, чтобы не помереть съ сестрой съ голоду. Приходъ сына обрадовалъ старика Жудру и растрогалъ такъ, что онъ заплакалъ.

— Ужъ не чаялъ дожидаться тебя!—сказалъ онъ, обнимая Микошу.—Скоро, вѣдь, помирать надо...

Тетка Параня тоже плакала, глядя на племянника, и безтолково суетилась у печи, торопясь накормить дорогого гостя.

Большой домъ Жудры, когда-то богатый, построенный на широкую ногу, съ массой комнатъ, клѣтей, кладовыхъ, сильно покосился, такъ что крыша его на самой серединѣ осѣла и

имѣла видъ переломленнаго хребта; внутри же, и въ красной избѣ, и въ горницѣ, и въ шомушѣ царило запустѣніе, пахло нежилымъ и словно брошеннымъ помѣщеніемъ. Микоша обошелъ весь домъ, заглянулъ и въ клѣти и на вышки—отовсюду на него глядѣли темная, холодная нищета, заброшенность. Вернувшись къ отцу въ избу, онъ тяжело опустился на лавку и, задумчиво постукавъ по столу пальцами, сказалъ:

— Такъ...

Старый Жудра въ отвѣтъ только грустно покачалъ головою.

Они долго молчали, каждый занятый своими мыслями. Круглое, загорѣлое лицо Микоши съ бѣлыми усами и голубыми, свѣтившимися на темномъ лицѣ, глазами, было хмуро, сумрачно, какъ-будто на него легла темная тѣнь.

Вдругъ эта тѣнь сбѣжала, Микоша тряхнулъ головою и беззаботно сказалъ:

— Ничего! Справимся!..

Старикъ повеселѣлъ.

— Справимся, Микоша, что и говорить!—сказалъ онъ, по-стариковски хихикая себѣ въ бороду.—Сила въ тебѣ большая, не занимать стать!..

Микоша повелъ своими могучими плечами, потянулся.

— А что Анисава?—словно между прочимъ, притворяясь равнодушнымъ, спросилъ онъ.—Какъ она?..

Тетка Параня вдругъ захохотала горшками у печи, пугливо оглянулась и зачѣмъ-то торопливо засѣменила вонь изъ избы. Старикъ пересталъ смѣяться, отвернулся и уклончиво отвѣтилъ:

— Что ей? Живетъ!..

Микоша насторожился, подозрительно поглядѣлъ на отца. Помолчавъ немного, онъ снова спросилъ, измѣнившись въ лицѣ, какимъ-то не своимъ, глухимъ голосомъ:

— Переменъ у ней никакихъ?..

Старикъ безпокойно завозился на своемъ мѣстѣ; его сѣдыя

брови хмуро нависли надъ глазами, онъ сказалъ, глядя въ сторону, недовольнымъ тономъ:

— Не знаю... Давно не видалъ...

Микоша больше не спрашивалъ. Лицо его опять покрыла темная тѣнь. Онъ постучалъ пальцами по столу и тихо сказалъ:

— Такъ...

II.

За все время военной службы у Микоши, кажется, не было ни одного дня, когда бы онъ не вспомнилъ, не подумалъ объ Анисавѣ. Жизнь на чужбинѣ, далеко отъ родныхъ мѣстъ, только и скрашивалась мыслью о томъ, что вотъ онъ окончитъ службу и опять увидитъ Анисаву. И когда онъ кончилъ службу и ѣхалъ съ Кавказа черезъ всю Россію, на самый сѣверъ Архангельской губерніи, онъ радовался не тому, что возвращается домой, а что ѣдетъ къ Анисавѣ; если бы она переселилась куда-нибудь, онъ и не подумалъ бы ѣхать домой, а прежде всего отправился бы къ ней, хотя бы она жила на самомъ краю свѣта. Такъ Микоша любилъ Анисаву.

Онъ познакомился съ ней незадолго до того, какъ его взяли въ солдаты. Микоша шатался съ ружьемъ по берегамъ Ваги, въ прибрежныхъ лѣсахъ—и тамъ въ первый разъ увидѣлъ Анисаву; она ходила по лѣсу съ корзинкой и собирала грибы. Его поразили густо-черный цвѣтъ ея волосъ и горячій блескъ ея большихъ черныхъ глазъ. На сѣверѣ дѣвушка съ черными волосами и черными глазами большая рѣдкость. Она къ тому же была еще и очень хороша собой; у нея были смуглыя, круглыя, какъ у маленькихъ дѣтей, щеки и небольшой ротъ съ красными, какъ кровь, губами, полный бѣлыхъ, крѣпкихъ, весело смѣющихся зубовъ, а кончикъ тонкаго носа былъ немного вздернутъ и придавалъ лицу задорное, проказливое выраженіе. Ей тогда уже было семнадцать лѣтъ, а она походила на маленькую дѣвочку со своими узкими плечами и тонкими руками и ногами, въ сво-

емъ короткомъ платьѣ пониже колѣнъ изъ краснаго двинскаго ситца.

Микоша наткнулся на нее въ самой гущинѣ лѣса; она сидѣла подъ сосной, перебирая въ корзинкѣ собранные грибы.

— Ты чья будешь, дѣвушка?—спросилъ онъ, усаживаясь на землѣ около нея.

Дѣвушка спокойно и довѣрчиво посмотрѣла на него своими большими, блестящими глазами и непринужденно сказала:

— Я изъ города. Купца Барчана.

— А какъ звать тебя?

— Анна. Дома меня зовутъ Анисавой...—Она вдругъ засмѣялась, показывая всѣ свои зубы и, наклонивъ голову къ плечу, лукаво посмотрѣла на него.—А я знаю, чей ты!..

— Ну?—удивился Микоша.—Чей?

— Жудры! Микоша, изъ Заборья!..

— Вѣрно!..

— Что это у тебя?—она потрогала его сумку.

— Дичь!

Микоша вывалилъ на землю изъ своей сумки гагару, кулика, пару рябчиковъ, тетерку. Дѣвушка брала мертвыхъ птицъ въ руки, гладила ихъ безжизненно повисшія шейки и крылышки, и ея глаза наполнялись слезами.

— Бѣдненькія вы мои!—сказала она, кривя губы отъ жалости.—Неужто тебѣ не жалко убивать ихъ?..

Микоша никогда раньше не думалъ объ этомъ—жалко или не жалко: убивалъ птицъ для того, чтобы было что ѣсть; а теперь, при видѣ жалости Анисавы, у него самого защемило въ сердцѣ. Убитыя птицы въ ея рукахъ имѣли какой-то особенно жалостливый видъ, и ему первый разъ въ жизни пришло въ голову: «А вѣдь и вправду жалко!..»

Но сознаться въ этомъ было почему-то стыдно, и онъ засмѣялся и сказалъ, бахвалясь:

— Чего жалко? Она, дичь-то, на то и существуетъ, чтобы ее убивать!..

Анисава посмотрѣла на него, сдвинувъ брови, потомъ поднялась и взяла свою корзинку. Видно было, что она разсердилась: ея лицо точно загорѣлось, глаза гнѣвно засверкали.

— Не люблю охотниковъ!—сказала она рѣзко, отворачиваясь отъ него.—Не встрѣчайся мнѣ тутотка больше!..

И торопливо пошла лѣсомъ, не оглядываясь. Микоша, смущенный, красный, укладывалъ дичь въ сумку и сердито бормоталъ:

— Не любишь—и не надо!.. Ишь какая!..

Потомъ онъ долго стоялъ на мѣстѣ и недоумѣнно смотрѣлъ ей вслѣдъ. Его и злость разбирала на дѣвушку, что она за такой пустякъ разсердилась на него, и жалко было, что она уходила отъ него и не хотѣла съ нимъ больше встрѣчаться.

Онъ нерѣшительно переступалъ съ ноги на ногу, слѣдя за мелькавшей среди сосновыхъ стволовъ маленькой красной фигуркой удалявшейся Анисавы. Вотъ она повернула въ сторону, скрылась за группой тѣсно стоявшихъ одна около другой сосенъ, снова показалась и опять спряталась за молодымъ соснякомъ. Микоша подождалъ,—нѣтъ, больше она не показывалась, словно провалилась сквозь землю.

Онъ нехотя, съ какимъ-то смутнымъ сожалѣніемъ повернулся и пошелъ домой, въ глубокой задумчивости шагая бездорожьемъ прямо черезъ лѣсъ. Ему стало скучно, досадно; онъ бормоталъ про себя, недовольно хмурясь:

— Вотъ ты какая, Анисава Барчанова!.. За что разсердилась-то, скажи на милость!..

Это казалось смѣшнымъ и глупымъ, она разсердилась на него за то, что онъ стрѣляетъ дичь! Завтра же онъ опять пойдетъ и будетъ стрѣлять, чтобы она не думала, что онъ ее испугался! Пускай сердится, пусть съ нимъ не встрѣчается,—что она ему?..

Но дѣло оказалось серьезнѣй, чѣмъ онъ думалъ. Всю ночь онъ не спалъ, все припоминалъ свой разговоръ съ Анисавой, злился на нее и въ то же время чувствовалъ себя въ чемъ-то

виноватымъ передъ ней. И передъ нимъ неотступно стояло ея лицо—такое яркое, съ черными волосами, черными глазами и красными губами; Анисава лукаво смотрѣла на него и смѣялась, блестя бѣлыми ровными зубами и какъ-будто спрашивала: что, будешь еще стрѣлять?..

— И буду! Буду!—злбно бормоталъ Микоша, ворочаясь безъ сна съ боку на бокъ.

А на другой день, собираясь въ лѣсъ, онъ уже взялъ было ружье въ руки, но подумалъ, подумалъ и поставилъ его въ уголъ. На этотъ разъ онъ пошелъ въ лѣсъ безъ ружья..

Онъ долго блуждалъ по лѣсу, пока нашелъ Анисаву. Когда завидѣлъ, наконецъ, издали среди сосенъ ея красное платье, въ груди у него что-то радостно дрогнуло, и отъ волненія даже духъ захватило. Онъ остановился, изумленный этимъ страннымъ, до сихъ поръ невѣдомымъ ему чувствомъ. Онъ былъ радъ видѣть ее, но ему отчего-то было страшно подойти къ ней.

Дѣвушка шла ему навстрѣчу, онъ стоялъ и ждалъ. Но когда она приблизилась,—онъ отступилъ въ сторону, чтобы дать ей дорогу.

Анисава прошла мимо съ опущенной головой, не взглянувъ на него; можно было подумать, что она вовсе не видѣла его.

Микоша тихо окликнулъ ее:

— Анисава...

Дѣвушка вздрогнула, но не остановилась и не оглянулась; она продолжала идти и глядѣла въ землю, точно внимательно искала грибы. Но она двигалась какъ-то неловко, споткнулась разъ и другой,—видно было, что она чувствовала на себѣ взглядъ Микоши.

Онъ подождалъ немного и снова окликнулъ ее погромче:

— Анисава! Постой, дѣвушка!..

Анисава и на этотъ разъ не остановилась, но замедлила шаги.

Микоша бросился нагонять ее.

— Погоди что ли!—говорилъ онъ на ходу.—Сказать тебѣ надо!..

Дѣвушка, наконецъ, остановилась и хмуро, исподлобья смотрѣла на него своими горячими глазами.

— Чего давеча разседилась?—сказалъ Микоша, подходя къ ней.—Я, вѣдь, такъ, сдуру. Мнѣ, поди, самому жалко...

— Такъ что?—сказала съ усмѣшкой Анисава.—Жалко, а убиваешь?..

Микоша задыхался, ему стало нестерпимо жарко, онъ снялъ шапку и вытеръ рукавомъ рубахи вспотѣвшій лобъ. Онъ былъ смущенъ, не зналъ, что еще ей сказать, глупо ухмылялся и безпомощно топтался на мѣстѣ.

Анисава снизу вверхъ посмотрѣла на его огромную фигуру и пожалала плечами, сдѣлавъ движеніе, какъ-будто хотѣла итти. Микоша, уловивъ ее движеніе, торопливо сказалъ:

— Если не хочешь, такъ я и не буду больше...

— Чего не будешь?

— Да стрѣлять...—Микоша замялся и смущенно потупился.—Только бы ты не сердилась...

Анисава улыбнулась:

— Не буду сердиться...

— Я вонъ безъ ружья хожу,—сказалъ Микоша въ подтвержденіе своего обѣщанія.

— Вижу,—сказала Анисава и почему-то покраснѣла.

Они пошли вмѣстѣ. Микоша держался немного позади, точно не смѣлъ итти съ ней рядомъ.

Теперь они уже не чувствовали себя такъ просто, спокойно, какъ вчера. Оба они были смущены, испытывали какую-то неловкость и молчали, боясь взглянуть одинъ на другого. Дѣвушка то вспыхивала, то блѣднѣла, отворачивалась и смотрѣла въ землю, какъ-будто искала грибы. Но ей, повидимому, ужъ было не до грибовъ.

Передъ Анисавой вдругъ выросла изгородь изъ тонкихъ жердей; она замѣтила ее только, когда подошла къ ней вплотную, Дѣвушка обернулась къ Микошѣ и робко взглянула на него своими большими, недоумѣнно раскрывшимися глазами, и ее

губы тронула блѣдная улыбка. Она невольно протянула руки къ продолжавшему двигаться на нее Микошѣ, точно обороняясь, и уронила корзинку, изъ которой вывалились на землю всѣ ея грибы.

Микоша тоже усмѣхнулся кривой, растерянной усмѣшкой. Онъ взялъ ея руки и зачѣмъ-то потянулъ дѣвушку къ себѣ. Глаза Анисавы стали еще больше, улыбка сбѣжала съ ея побѣлѣвшихъ губъ. Она закрыла глаза и, точно внезапно лишившись силъ, вся поникла и повисла у него въ рукахъ.

— Анисавушка... сердце мое...—сказалъ Микоша и поцѣловалъ ея губы.

Дѣвушка затихла, замерла, казалось вовсе не дышала. Потомъ вдругъ на ея щекахъ вспыхнулъ горячій румянецъ, она стала вырываться изъ его рукъ, застыдившись.

— Пусти... Будетъ...

Микоша выпустилъ ея. Она опустила тутъ же, у изгороди, закрыла лицо руками и заплакала. Онъ стоялъ передъ ней съ глубоко виноватымъ видомъ, не понимая, какъ все это случилось. Онъ пробормоталъ первое, что ему пришло на умъ, чтобы утѣшить дѣвушку:

— Грибы твои я соберу...

Онъ присѣлъ на корточки и сталъ собирать грибы въ корзинку. Анисава перестала плакать, вытерла лицо передникомъ и стала ему помогать. Одинъ большой грибъ она выкинула, сказавъ:

— Червивый...

Микоша подобралъ его, осмотрѣлъ и снова положилъ въ корзинку:

— Не весь червивый. Пригодится...

Анисава улыбнулась; ярко засвѣтились улыбкой ея черные, еще мокрые отъ слезъ глаза.

— Пускай! — согласилась она. — Вправду, пригодится...

Обоимъ вдругъ стало легко и весело. Точно все дѣло было въ этомъ грибѣ, представлявшемъ собой какое-то большое недо-

умѣніе; теперь это недоумѣніе разрѣшилось, и тяжесть, неловкость, связывавшія ихъ нѣсколько минутъ тому назадъ, пропали. Они какъ-будто были давно-давно знакомы и близки...

Они стали встрѣчаться въ лѣсу каждый день. Микоша уже зналъ, почему его такъ тянуло къ этой дѣвушкѣ и отчего онъ съ ранняго утра начиналъ искать ее въ окрестныхъ лѣсахъ. Анисава тоже стала понимать, что не за одними только грибами ей хотѣлось ходить въ лѣсъ, и уже не плакала, когда Микоша ее цѣловалъ. Объ ихъ встрѣчахъ никто не зналъ; одинъ лѣсъ былъ свидѣтелемъ ихъ тайной помолвки.

Но отцу Анисавы скоро все стало извѣстно. Какъ онъ узналъ—для дѣвушки осталось неразрѣшимой загадкой. Она, впрочемъ, не думала долго отъ него скрывать свою помолвку съ Микошей и не только не стала отпираться, но тотчасъ же твердо заявила о своемъ желаніи стать его женой.

Купецъ Барчанъ былъ старикъ крутого нрава; всѣ въ домѣ—и его жена, и приказчики въ лавкѣ, и работники—трепетали передъ нимъ, точно онъ былъ ихъ неограниченнымъ владыкой. Одна Анисава, любимица старика, не боялась отца и часто поступала наперекоръ ему, проявляя такое же упорство и своеволие, какими отличался и самъ Барчанъ.

Старикъ не хотѣлъ и слышать объ ея свадьбѣ съ Микошей и приказалъ выбросить эту дурь изъ головы, потому что она—дочь купца и съ хорошимъ приданымъ, а онъ—мужикъ и нищій. Анисава на это спокойно возразила, что не **ему** выходить замужъ, а ей, и она выйдетъ за того, кто ей любъ, а не за того, на кого онъ ей укажетъ.

Купецъ хорошо зналъ свою дочь и понималъ, что если ему и удастся смирить ее, то только самыми крутыми мѣрами. И онъ заперъ ее въ горницѣ и цѣлый мѣсяць продержалъ взаперти.

Но въ первый же день освобожденія, когда она притворилась смирившейся и купецъ снялъ замокъ съ ея комнаты, она ушла въ Заборье, къ Микошѣ и оттуда прислала отцу записку, въ

которой написала, что не вернется къ нему больше, если онъ не позволитъ ей выйти замужъ за Микошу.

Купцу ничего не оставалось, какъ тоже пуститься на хитрости. Онъ сдѣлалъ видъ, что согласенъ исполнить ея желаніе, и Анисава вернулась домой. Но старикъ старался оттянуть свадьбу, ожидая удобнаго случая отдѣлаться отъ Микоши, и случай этотъ скоро представился.

Микоша не долженъ былъ итти на военную службу, потому что былъ единственнымъ сыномъ и имѣлъ льготу; но въ томъ году ему какъ разъ исполнилось двадцать одинъ годъ, его вдругъ потребовали къ призыву и забрали въ солдаты. Это было, несомнѣнно, дѣло рукъ Баранча, пользовавшагося въ городѣ большимъ вліяніемъ.

Микоша принялъ этотъ ударъ твердо; три года съ лишнимъ—срокъ небольшой, можно было потерпѣть. Анисава общала ему дожидаться его.

III.

Вечеромъ поѣхалъ Микошка съ отцомъ рыбачить. На сердцѣ у него было спокойно, тревожно. Что съ Анисавой? Отецъ какъ-будто о чемъ-то умалчиваетъ, не договариваетъ; Микоша боялся спрашивать его, чуя недоброе. Его томилъ страхъ; онъ не рѣшился въ этотъ день итти къ ней и отложилъ свиданіе на утро.

Вотъ, наконецъ, онъ опять видитъ эти яркія зори бѣлыхъ сѣверныхъ ночей, эту широкую гладь тихой Ваги, въ которой точно опрокинулись внизъ и пылающее небо, и высокіе песчаные, розовые отъ зари берега съ темнѣющими на нихъ сосновыми и еловыми лѣсами. Лодка тихо подвигалась противъ теченія, Микоша глядѣлъ по сторонамъ и самъ удивлялся тому, что не испытывалъ никакой радости при видѣ родныхъ мѣстъ. Тревожныя мысли объ Анисавѣ не оставляли его; ужъ лучше было бы сегодня пойти къ ней и все узнать. Можетъ быть, ничего

худого нѣтъ, она ждетъ его и попрежнему любить, а онъ понапрасну будетъ мучиться всю ночь!

Микоша работалъ веслами, а старый Жудра сидѣлъ на рулѣ и молча курилъ трубку. Онъ поглядывалъ на сына, временами улыбался, радуясь, что тотъ, наконецъ, вернулся, временами хмурился и сокрушенно качалъ головой какимъ-то своимъ, видимо, неприятнымъ мыслямъ. Видно было, что ему хотѣлось что-то сообщить сыну, и онъ не зналъ, какъ и съ чего начать. Разъ онъ даже крикнулъ и отплюнулся, приготовившись говорить, но ничего не сказалъ и снова вложилъ въ ротъ свою трубку. Микоша опустилъ весла и выжидательно посмотрѣлъ на него.

— Ты чего? — спросилъ онъ отца.

Старикъ помолчалъ и вдругъ спросилъ, вынувъ изо рта трубку:

— Савоську Кандина знаешь?

Микоша подумалъ, вспомнилъ:

— Что на Перевозѣ черной бакалеей торговалъ? Знаю.

— Лавку-то свою, слышь, закрылъ! — сообщилъ почему-то съ значительнымъ видомъ Жудра. — Теперь у купца Барчана въ приказчикахъ служитъ.

Микоша при упоминаніи имени Барчана насторожился. Но старикъ снова засосалъ свою трубку и молчалъ.

— Ну, такъ что? — нетерпѣливо спросилъ Микоша. — Ты это къ чему?

— Ни къ чему. Такъ, — уклончиво сказалъ старикъ, отвернувшись.

У Микоши тоскливо заняло сердце. Хитритъ старикъ, что-то знаетъ и не хочетъ сразу сказать. Видно, въ самомъ дѣлѣ съ Анисавой что-то случилось.

Савоська Кандинъ, какимъ помнилъ его Микоша, былъ худой, некрасивый, желтолицый парень, имѣвшій въ Заборѣ черно-бакалейную торговлю, тихонько наживавшій и копившій свои копейки. Почему онъ закрылъ свою лавку и перешелъ на службу

къ Барчану? Отчего старый Жудра нашелъ нужнымъ и съ такимъ значительнымъ видомъ сказать ему объ этомъ?

Микоша взмахнулъ два-три раза веслами и, съ сердцемъ бросивъ ихъ, сказалъ:

— Да ты что знаешь-то? Говори, не бойся!

Старикъ всполошился, заволновался:

— Что знаю? Про что?

— Да про Анисаву!

Жудра разсердился.

— Что присталъ со своей Анисавой? Ничего я про нее не знаю! Сказывалъ ужъ!

Микоша покачалъ головой, поднялъ весла и съ силой ударилъ ими по водѣ. Больше они не разговаривали.

Уловъ былъ у нихъ небольшой, обоимъ было неохота возиться. Вернулись они къ полуночи. Только что утренняя заря смѣнила ночную, небо становилось глубже и прозрачнѣе. Старый Жудра тотчасъ же завалился спать, а Микоша вышелъ на крыльцо. О снѣ онъ и думать не могъ—тоска больно сосала сердце.

Домъ Журды выходилъ крыльцомъ къ лѣсу. Надъ лѣсомъ свѣтилось уже почти утреннее ясное небо, а среди сосенъ стоялъ еще ночной полумракъ, и хвоя сосновая висѣла недвижно, овѣянная глубокой, сонной тишиной ночи.

Микоша сидѣлъ на крыльцѣ, уставившись задумавшимися глазами въ сумракъ лѣса. Что-то будетъ завтра? Какъ-то онъ увидится съ Анисавой?

Гдѣ-то на рѣкѣ жалобно, какъ маленькій, плачущій ребенокъ, кричала гагара: у-аа... у-аа... Съ другой стороны доносился стонущій крикъ кулика, точно кому-то сжимали горло, и онъ протяжно, мучительно стоналъ, прощаясь съ жизнью. Микошѣ казалось, что это онъ самъ стонетъ, его горло что-то душило, какъ будто цѣпкіе, горячіе пальцы.

Вдругъ онъ услышалъ донесшійся изъ-за ближайшихъ сосенъ тихій шорохъ, словно тамъ крался кто-то, прячась за стволами деревьевъ. Ему даже показалось, что въ лѣсу что-то метнулось

отъ одной сосны къ другой и пропало. Онъ долго вглядывался въ сумракъ лѣса, но ничего не увидѣлъ; и шороха больше не было слышно.

Охваченное волненіемъ сердце Микоши уже не могло успокоиться. Онъ сошелъ съ крыльца и направился къ лѣсу.

Жуткая тишь стояла въ сонномъ, темномъ лѣсу. Сухой ягель подъ ногами Микоши хрустѣлъ въ этой тишинѣ такъ, словно онъ ступалъ по валежнику.

Микоша прошелъ лѣсомъ шаговъ двадцать, посмотрѣлъ кругомъ, послушалъ; лѣсъ былъ рѣдкій, далеко видно было между сосенъ; нѣтъ, никого тамъ не было. Онъ повернулъ назадъ, къ дому. Около самой опушки онъ вдругъ поднялъ голову, словно его что-то толкнуло, и увидѣлъ прямо передъ собой Анисаву.

Она стояла неподвижно, прижавшись спиной къ соснѣ, и смотрѣла на него большими, темными, жутко блестящими глазами.

Это была совсѣмъ не та Анисава, какой онъ зналъ ее три года съ лишнимъ назадъ. Она какъ будто выросла, стала выше, тоньше, стройнѣй; круглыхъ щекъ ея уже не было, лицо было тонкое, худое, блѣдное, и, казалось, почти половину его занимали широко раскрытые, запавшіе, темнѣвшіе, точно провалы, глаза. Она совсѣмъ была не похожа на ту, прежнюю Анисаву, но она, казалась красивѣе, трогательнѣе, святѣе; Микоша невольно подумалъ, глядя на нее: «Какъ Божья Матерь въ соборѣ».

Они смотрѣли другъ на друга удивленно, точно не вѣря своимъ глазамъ. Анисава тяжело дышала, губы ея дрожали и кривились.

— Тебя дома не было,—сказала она тихо, опуская голову.— Я давно здѣсь ожидаюсь.

— Рыбачили съ отцомъ,—объяснилъ свое отсутствіе Микоша.—Только сейчасъ вернулись.

Онъ поглядѣлъ на нее и сказалъ съ грустной усмѣшкой:

— Вотъ ты какая, Анисава!

— Перемѣнилась?—она подняла на него затуманенные сле-

зами глаза.—Ты тоже,—сказала она съ застѣнчивой улыбкой.— Тяжело было служить?

— Нѣтъ, сказать нельзя.—Микоша подумалъ и добавилъ смущенно.—Безъ тебя было тяжело, вотъ что...

Анисава снова опустила голову. Микоша увидѣлъ, какъ слезы, переполнивъ ея глаза, побѣжали по щекамъ. Онъ тихо спросилъ:

— Что жъ, Анисавушка? Не рада?

Анисава вся затрепетала, подалась впередъ, точно хотѣла броситься къ нему на грудь, и отвернулась, покачавъ головой. Она чуть слышно сказала, потупившись:

— Рада.

Микоша подвинулся къ ней и взялъ ее за руку; она руки не отнимала и все стояла съ опущенной головой. Онъ осторожно потянулъ ее къ себѣ, Анисава укланилась и высвободила свою руку. Микоша удивленно спросилъ:

— Что жъ ты, Анисавушка?

Анисава молчала, Микоша криво усмѣхнулся.

— Аль не милъ сталъ, Анисава?

Она молча покачала головой.

— Такъ что жъ?

— Я замужемъ,—тихо сказала Анисава и заплакала, закрывъ рукавомъ глаза.

Микоша точно ожидалъ этого отвѣта и, казалось, совсѣмъ не удивился. Онъ только тихо сказалъ:

— Такъ,—и сталъ разрывать на землѣ ногой опавшія сосновые иглы.

Потомъ, помолчавъ, спросилъ:

— Какъ же, Анисава? Значитъ, не дождалась?

Анисава, плача, стала объяснять:

— Тебя долго не было. Вѣдь, три года—много времени.

Микоша грустно согласился:

— Да, много.

— Ждала, ждала,—говорила Анисава, не переставая плакать.—Тяжело было, скучно, а все жъ думала дожждаться.

— Думала?

— Клянусь Богомъ! Любовь ты мнѣ, Микоша, и посейчасъ! Сердце разрывается.

Она заплакала еще сильнѣе. Микоша недовѣрчиво спросилъ:

— Что жъ не дождалась, коли любовь?

Анисава заломила пальцы.

— Не знаю,—сказала она, недоумѣнно качая головой.—Отецъ корилъ, ругалъ, говоритъ: «твой Микоша о тебѣ и думать забылъ, поди, другую на чужой сторонѣ нашелъ, вѣрно, и домой не вернется, а ты, дожидаясь его, въ старыхъ дѣвкахъ останешься». А отъ тебя, какъ на грѣхъ, и вѣстей никакихъ не получала.

— Писалъ, вѣдь!—персбилъ ее Микоша.—Каждый мѣсяцъ письмо посылалъ!

— Теперь-то знаю, что писалъ. Отецъ пряталъ твои письма, не давалъ. Узнала о нихъ только, какъ замужъ вышла.

— У старика моего что не спросила? Опъ-то зналъ, что вернусь.

— Ходила, спрашивала. Сказалъ, что ты ничего не пишешь. Видно, моего отца побоялся. Ужъ какъ плакала я, Микоша, какъ убивалась, когда узнала, что писалъ ты мнѣ! Головой о стѣны билась. Да ужъ поздно было.

Микоша стоялъ, какъ пришибленный и, казалось, ничего не понималъ; простудное, круглое лицо его выражало только одно печальное недоумѣніе.

— Давеча узнала, что ты вернулся, какъ ножъ въ сердце!—продолжала, плача, Анисава.—Мужняя я теперь, другого жена, не сронить бы мнѣ съ головы вѣнца святого, а не могла стерпѣть, пришла, видишь, хоть посмотрѣть на тебя. Ой, Микоша, Микоша, какъ тяжко мнѣ видѣть тебя! Не мой, вѣдь, ты и никогда не будешь моимъ!

Она вся согнулась отъ рыданій, потомъ выпрямилась съ искаженнымъ лицомъ, протянула руки и упала къ нему на грудь, забившись всѣмъ тѣломъ, какъ подстрѣленная птица.

У Микоши по щекамъ ползли слезы. Онъ прижалъ ее къ себѣ, потомъ поднялъ на руки, посмотрѣлъ ей въ лицо и тихо поставилъ на землю.

— Эхъ, Анисава! Анисава!—сказалъ онъ жалобно.—Что ты надѣлала, Анисава!

Анисава затихла и молча вытирала концомъ своей шали глаза. Помолчавъ, Микоша глухо спросилъ:

— Кто мужъ-то?

Анисава опустила голову.

— Савелій Кандинъ,—сказала она почти шопотомъ, отворачиваясь.

— Ага!—сказалъ Микоша съ злой усмѣшкой.—Савоська-торговецъ! Подстать твоему отцу!

Анисава, какъ-будто оправдываясь, ломала пальцы:

— Онъ человѣкъ хорошій, добрый, дѣтей любитъ,—она сжала на груди руки и порывисто повернулась къ Микошѣ.— Да не любовь, не любовь онъ мнѣ, Микоша! Бросила бы, ушла бы, кабы не грѣхъ!

— Гдѣ ужъ!—смѣхнулся Микоша.—Коли дѣти есть. Много ль дѣтей?

— Двое. Мальчишка да дѣвченка. Только и радости, что въ нихъ.

Микоша покорно опустилъ голову, вздохнулъ.

— Значить—не судьба. Терпи, Анисава.

Анисава опять заплакала.

— Ужъ ты прости, Микоша, меня, глупую, несчастную. Не знала я, не вѣдала.

— Богъ проститъ,—хмуро сказалъ Микоша.

Онъ повернулся и, не взглянувъ больше на нее, пошелъ къ своему дому.

Съ крыльца онъ увидѣлъ, какъ Анисава стояла у сосны и плакала, прислонившись къ ней плечомъ, маленькая, несчастная. У Микоши больно сжалось сердце, подогнулись колѣни; онъ съ трудомъ переломилъ себя и вошелъ въ избу.

Жудра, какъ и всѣ старики, спалъ очень чуткимъ сномъ; при входѣ сына онъ проснулся и приподнялся на локтѣ.

— Чего ты?—спросилъ онъ, вглядываясь въ лицо Микоши, испугавшись его хмураго вида.—На тебѣ лица нѣтъ, Микоша! Микоша криво усмѣхнулся.

— Анисава тутъ была,—сказалъ онъ, отворачиваясь, и тяжело опустился на лавку.

Старикъ безпокойно завозился у себя на лавкѣ, сѣлъ.

— Ну?

— Что—ну! Самъ не знаешь, что ли?—разсердился Микоша.—Замужемъ она, вотъ тебѣ и ну! Зачѣмъ не сказалъ ей, какъ приходила, что получалъ отъ меня письма?

Жудра смущенно закрѣхнулъ.

— Дѣло, видишь, такое было,—сказалъ онъ, искоса боязливо поглядывая на сына.—Пришелъ къ намъ купецъ, Барчанъ самый, говоритъ: не сказывай Анисавѣ, дочкѣ-то, про своего сына, гдѣ да что съ нимъ, да вернется ли, говори, молъ—ничего не знаю, а я тебѣ за то изъ своей лавки крупы, муки, чаю, сахару, все, что нужно, дамъ, приходи, проси, отказу не будетъ. Подумалъ я, подумалъ, что дѣлать? Объ Анисавѣ ты, почитай, ни разу не спрашивалъ, думаю, забылъ ты о ней, а если не забылъ, такъ купецъ все равно не отдастъ за тебя, мужика, дочку свою. Опять же и намъ съ Параней худо приходилось, хорошо бы, думаю, крупки немного у купца взять, все легче будетъ. Ну, я и того... ладно, говорю, скажу.

Микоша молча слушалъ, качая головой. Потомъ сказалъ безъ злобы, съ горькой покорностью:

— Значитъ, продалъ ты меня за крупу? Такъ, что ли?

Старикъ виновато опустилъ голову.

— Вижу, что продалъ. Параня говорила: не надо. Грѣхъ попуталъ. Самому жалко было. Пришла дѣвушка—лица на ней нѣтъ, вся дрожитъ, словно въ лихорадкѣ; о тебѣ спрашиваетъ, а губы-то у ней такъ и прыгаютъ. Сказалъ я ей, какъ купецъ наказывалъ, она и сѣла на лавку, какъ подстрѣленная, смо-

гритъ, молчитъ, а слезы по лицу такъ и побѣжали, такъ и побѣжали. Потомъ встала, ничего не сказала и пошла вонъ изъ избы. Схватило меня за сердце, жалко стало, а тутъ еще Параня: что ты, говоритъ, сдѣлалъ? выдастъ ее купецъ замужъ,— Микоша, поди, убиваться будетъ, не гоже намъ-то съ тобой въ его дѣло мѣшаться! Что жъ, думаю—не гоже, такъ не гоже! Я на крыльцо за ней, за Анисавой—дѣвушка,—кричу,—постой, слышь, погоди, что я скажу тебѣ! А она уже лѣсомъ идетъ. Оглянулась, посмотрѣла, вся въ слезахъ, махнула рукой и пошла. И слушать больше не хотѣла. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Онъ погладилъ свою бороду, покачалъ головой и прибавилъ, бормоча про себя:

— Кабы зналъ, что такое дѣло выйдетъ, не брать бы грѣха на душу.

Микоша, казалось, не слушалъ его, смотрѣлъ въ одну точку и стучалъ пальцами по столу. Когда старикъ умолкъ, онъ растянулся на лавкѣ, лицомъ внизъ и заплакалъ, какъ малый ребенокъ. Жудра поглядѣлъ на него, досадливо почесалъ въ бородѣ и со вздохомъ сказалъ:

— Бѣда, вишь, какая. Ахъ ты, Господи, Боже мой!

IV.

Три дня Микоша пролежалъ на лавкѣ, почти не вставая; онъ лежалъ такъ тихо, что старая тетка Параня пугалась и подходила послушать—дышитъ ли, живъ ли еще парень.

— Чего такъ-то убиваться?—говорила она, глядя его своей сухой, костлявой рукой по головѣ, какъ маленькаго мальчика.— Ну бѣда, случилась—не пропадать же! Можетъ, другую найдешь, еще получше.

— Тоска!—отвѣчалъ Микоша.— Такъ, тетка, сосеть, такъ сосеть!

И онъ начиналъ стонать и скрежетать зубами, точно его что-то раздирало внутри.

Ночами Микоша ни на минуту не засыпалъ, все лежалъ съ открытыми глазами и о чемъ-то думалъ, думалъ. Иногда онъ начиналъ разговаривать самъ съ собой. Старый Жудра просыпался, приподымался и со страхомъ смотрѣлъ на сына. Микоша говорилъ:

— Аль не вѣрила, что люблю? Анисавушка? Бѣда, вѣдь, вотъ какая,— не забыть мнѣ тебя, не вырвать изъ сердца вонъ. Любовь, говоришь,— а не дождалась. Зачѣмъ сказала, что любовь? Замучился я, совсѣмъ, вѣдь, замучился. Уйди лучше! Отъ грѣха уйди! Къ Савоськѣ своему, уйди! О-о.

Потомъ слышались тяжелые вздохи, тихій вой—Микоша плакалъ. Старикъ издали крестилъ сына, тревожно бормоча:

— Совсѣмъ парень тронулся. Изведется, пропадетъ, поди.

На третій день къ вечеру Микоша всталъ съ лавки, встряхнулся, полоснулъ себѣ въ лицо водой изъ рукомойника и, утеревшись, хмуро, глядя въ сторону, сказалъ:

— Будетъ! Пойдемъ рыбалить, старикъ!

Жудра обрадовался:

— Ну, вотъ! И слава Богу! Что горевать-то? Добро бъ о чемъ путномъ, а то...

— Помолчи!—сердито оборвалъ его Микоша.—Чего мелишь!

— Ну-ну... не буду,— спохватился старикъ.— Я ничего... Я такъ...

Поѣхали рыбалить.

До утра пробыли на рѣкѣ,— Микоша за всю ночь не проорилъ ни слова. Сидѣлъ въ лодкѣ темный, тихій, словно его тутъ и не было. Жудра говорить уже боялся, только искоса поглядывалъ на него и вздыхалъ.

Когда пріѣхали утромъ домой, Микоша спать не легъ, а пошелъ въ лѣсъ, на то мѣсто, гдѣ въ послѣдній разъ видѣлся съ Анисавой. Сѣлъ подъ той самой сосной, гдѣ она стояла и плакала, и такъ просидѣлъ неподвижно, съ остановившимися

глазами, точно въ столбнякъ, до полудня, пока отецъ не позвалъ его обѣдать.

Такъ и пошло. Старикъ не узнавалъ сына, его словно подмѣнили. Прежде былъ онъ веселый, живой, разговорчивый, теперь ходилъ темный, нахмуренный, двигался медленно, какъ во снѣ, и все молчалъ, точно онѣмѣлъ. Отъ работы онъ не отказывался, ѣздилъ съ отцомъ на рыбную ловлю, по дому дѣлалъ то тѣ, то другое,—но вяло, какъ неживой, какъ будто въ немъ душа уже умерла и только одно тѣло продолжало жить и двигаться.

Жудра ждалъ,—переболѣетъ парень, поправится; не можетъ же быть, чтобы онъ уже на всю жизнь остался такимъ. Но проходили дни, недѣли, прошелъ мѣсяцъ,—Микоша оставался все такимъ же сумрачнымъ, молчаливымъ, видимо, мучился, тосковалъ, худѣлъ, терялъ силы. Старикъ разъ чуть не заплакалъ, когда увидѣлъ, какъ Микоша, парубая дровъ для кухни, воткнулъ въ колоду топоръ, поднялъ ее немного и опустилъ на землю; видно было, что не могъ поднять выше, силъ не было. А прежде подымалъ и клалъ себѣ на плечо цѣлую сосну въ четыре сажени длиной!

Еще тяжелѣй старику было видѣть сына, когда онъ сидѣлъ безъ дѣла, весь погруженный въ свою тоску, разрушавшую, точно злая болѣзнь, его большое, здоровое тѣло. Чтобы отвлечь его отъ тяжелыхъ думъ, Жудра какъ-то напомнилъ ему:

— Взялъ бы, паря, ружьишко, дичи бы пострѣлялъ. Что такъ-то зря сидѣть? Скучно, небось.

Микоша безпрекословно слушался отца и дѣлалъ все, что тотъ ни говорилъ ему. И на этотъ разъ онъ покорно поднялся, взялъ ружье, закинулъ за плечо,—но вдругъ глаза его странно оживились, точно онъ что-то вспомнилъ, и губы его дернула жалкая усмѣшка.

— Анисава не велѣла,—пробормоталъ онъ про себя, и, снявъ съ плеча ружье, тихо поставилъ его въ уголъ.

Старикъ не слыхалъ, что онъ сказалъ, и повторилъ громче, какъ глухому:

— Дичи, говорю, пострѣляй!

Микоша тяжело посмотрѣлъ на него, отвернулся и молча сѣлъ на лавку, опустивъ на грудь голову.

Вечеромъ въ этотъ день Микоша не захотѣлъ рыбалить,— старикъ уѣхалъ одинъ. Когда Жудра вернулся,— уже утромъ,— Микоши дома не оказалось. Исчезло и его ружье. Старикъ подумалъ, что сынъ все-таки пошелъ на охоту и сталъ терпѣливо ждать его.

Но прошелъ цѣлый день, Микоша не приходилъ. Онъ явился только поздно вечеромъ пьяный и безъ ружья.

Микоша прежде никогда не пилъ,— отецъ въ первый разъ видѣлъ его пьянымъ. Старикъ съ ужасомъ смотрѣлъ на сына, когда тотъ ввалился въ избу шатаясь и упалъ на лавку. Микоша бормоталъ что-то безсвязное и все махалъ рукой, точно отстраняя отъ себя что-то тяжелое, непріятное. Видно было, что отъ вина ему не становилось легче; онъ шумно вздыхалъ, словно ему было трудно дышать, и губы у него кривились отъ подступающей къ горлу тошноты.

Жудра постоялъ передъ нимъ, поглядѣлъ и тихо, строго сказалъ:

— Ты что же это, Микоша? Бога забылъ? А?..

Микоша безнадежно махнулъ рукой и отвернулся, ничего не сказавъ. Старикъ продолжалъ:

— Что? Небось, отъ вина еще хуже стало? Вѣрно говорю?

— Оставь!— крикнулъ Микоша съ сердцемъ и стукнулъ кулакомъ по столу.— Не тирань сердца, Богомъ прошу!

— Да ты зачѣмъ пьешь-то?— повысилъ голосъ и старикъ.— На какія деньги гулялъ? Гдѣ ружье дѣвалъ?

Микоша вынулъ изъ кармана и показалъ ему нѣсколько рублей: ружье, онъ, повидимому, продалъ и часть денегъ пропилъ.

— Отдай!— сказалъ старикъ сердито.— Сейчасъ отдай!

Микоша посмотрѣлъ на него и на деньги пьяными, мутными глазами, подумалъ и покачалъ головой

— Не отдамъ.

Онъ спряталъ деньги, поднялся и пошелъ къ двери. Его качало изъ стороны въ сторону, голова безпомощно болталась на шеѣ.

Жудра загородилъ ему дорогу, разставивъ руки.

— Куда? Нечего! Ложись спать, слышь?

— Пусти!—упрямо сказалъ Микоша, наступая на него.

— Не пущу!

Микоша злыми глазами уставился въ отца.

— Непустишь? Старикъ, не вводи во грѣхъ!—опъ поднялъ надъ головой отца свой огромный кулакъ.—Пусти, а то ударю!

Жудра понялъ, что теперъ Микошу не остановишь, и отступился. Онъ только вздохнулъ съ укоризной.

— Микоша, Микоша, что дѣлаешь, сынъ мой! Этакое сраму въ роду у насъ не бывало!

Микоша ушелъ.

Онъ долго плуталъ по лѣсу, пока не свалился. Его тотчасъ же сковалъ крѣпкій, мертвый сонъ.

Но черезъ полчаса онъ вдругъ проснулся, точно вспомнивъ о какомъ-то важномъ дѣлѣ, для котораго ушелъ изъ дому, всталъ и опять пошелъ.

Короткій сонъ не вытрезвилъ его, въ головѣ его еще больше мутилось, качало его еще сильнѣе. Онъ плакалъ отъ какой-то безсильной злобы, овладѣвшей его сердцемъ, билъ себя кулакомъ въ грудь и кому-то грозилъ:

— А-а! Постой! Посчитаемся!

На этотъ разъ онъ не блуждалъ и шелъ по прямой дорогѣ къ городу. Отъ Заборья до города было не больше версты, но Микоша подвигался медленно, и ему нужно было больше часу времени, чтобы сдѣлать этотъ путь.

Уже было совсѣмъ свѣтло, когда онъ вошелъ въ городъ. Высившася надъ маленькими деревянными домами церковь жепскаго монастыря была окрашена розовымъ свѣтомъ утренней

зари, а въ стеклахъ купола ярко горѣлъ отблескъ уже близкаго солнца. Въ улицахъ было еще пусто, тихо, сонно, не слышно было даже собакъ, и ночные сторожа спали у первыхъ попавшихся воротъ, гдѣ ихъ застигнулъ неодолимый утренній сонъ.

Микоша ходилъ по улицамъ, не подымая головы, точно безъ всякой цѣли, и все грозился и сжималъ кулаки. Но у него цѣль была. На базарѣ онъ вдругъ подошелъ къ хорошо знакомому ему дому купца Барчана и со всего размаху ударилъ кулакомъ въ оконную раму. Стекла со звономъ мелкими осколками посыпались на землю. Микоша пошелъ къ другому окну и опять ударилъ кулакомъ по рамѣ, разбивъ всѣ стекла и тамъ. Въ домѣ послышался шумъ тревоги, кто-то крикнулъ:

— Кто тамъ? Что такое?..

Въ разбитомъ окнѣ появился купецъ Барчанъ—злой, суровый старикъ, съ нависшими надъ глазами сѣдыми бровями.

— А, это ты!—сказалъ онъ, узнавъ Микошу.—Стекла бьешь?.. Скандалишь?..

Микоша ударилъ себя кулакомъ въ грудь и, плача, закричалъ:

— Что ты со мной сдѣлалъ?.. Я тебя спрашиваю, что ты со мной сдѣлалъ?..

— Пошелъ! Пошелъ!—гнѣвно крикнулъ ему старикъ.— Слышь, убирайся, а то работниковъ разбужу!..

— Буди! Зови!..—Микоша снова ударилъ кулакомъ по рамѣ.—Что мнѣ твои работники, когда ты жизнь мою погубилъ!..

Изъ-за плеча купца вдругъ показалось блѣдное, испуганное лицо Анисавы. Она съ ужасомъ смотрѣла на Микошу.

— Анисава! Анисавушка!—крикнулъ ей Микоша и заплакалъ.—Видишь, пропадаю!..

Купецъ обернулся и оттолкнулъ дочь отъ окна. Микоша, заливаясь пьяными слезами, говорилъ:

— Разбудилъ тебя, Анисавушка?.. Напугалъ тебя, бѣдную?.. Ну, уйду, уйду... не буду... Пропадаю я, вѣдь, сама знаешь...

Онъ, шатаясь, пошелъ по улицѣ...

Дальше Микоша уже ничего не сознавалъ; онъ не помнилъ, какъ вышелъ изъ города, какъ упалъ въ лѣсу, не дойдя до Заборья...

Проснулся онъ въ полдень отъ сильнаго жара, вдругъ охватившаго все его тѣло. Онъ вскочилъ, еще не придя въ себя, и въ первую минуту ничего не могъ понять. Кругомъ него шумѣло, гудѣло; сквозь густой дымъ едва можно было разглядѣть деревья. По землѣ и стволамъ сосенъ бѣжали огненные языки, слизывая сухую траву, мохъ, поѣдая съ трескомъ валежникъ и нижнія сухія вѣтви на соснахъ.

Горѣлъ лѣсъ.

Микоша оглядѣлся кругомъ: онъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ огнемъ. Откуда-то сквозь ревъ пожара доносились человѣческіе крики, звонъ церковнаго набата. Вглядѣвшись въ дымъ, онъ увидѣлъ въ отдаленіи темныя фигуры, работавшія лопатами, бившія по горящимъ деревьямъ огромными сосновыми вѣхами. Пожаръ угрожалъ и городу и Заборью, и въ тушеніи пожара, видимо, принимало участіе все населеніе и деревни и города. Микоша бросился въ ту сторону, прыгая черезъ горящій валежникъ и бѣгущее по мху пламя.

Вдругъ недалеко передъ нимъ поднялся высокій огненный столбъ и съ ревомъ понесся прямо на него, охватывая по пути деревья отъ корней до вершинъ, выбрасывая вмѣстѣ съ чернымъ, густымъ дымомъ тучу бѣшено вертѣвшихся искръ. Микоша, понявъ, что это загорѣлось смоле—сосны съ ободранной корой, густо покрытыя сырой смолой, приготовленныя для смолокуренія. Онъ метнулся вправо и увидѣлъ, что и огненный столбъ метнулся туда же; онъ кинулся въ другую сторону, и тамъ тоже бѣжала на него высокая, клубящаяся стѣна огня. Онъ заметался какъ звѣрь, окруженный со всѣхъ сторонъ облавой. Уже не было видно людей, не слышно было криковъ набатнаго звона; онъ былъ одинъ среди бушующаго моря огня и дыма.

«Зачѣмъ бѣгу?—мелькнуло у него въ головѣ.—Все равно—пропадать! Одинъ конецъ!..» Онъ на мгновеніе остановился, ози-

раясь кругомъ; глубокая, нестерпимая боль ужаса передъ двигающейся страшной смертью пронизали все его тѣло. Передъ нимъ вдругъ всплыло блѣдное, съ большими глазами, лицо Анисавы, какимъ онъ видѣлъ его утромъ, и онъ закричалъ не своимъ, дикимъ, придушеннымъ голосомъ:

— Анисавушка! Пропадаю!..

Ничего не сознавая, охваченный безмысленнымъ, животнымъ страхомъ, онъ бросился напроломъ, черезъ огонь, заслонивъ лицо рукой, съ воемъ, похожимъ на звѣриный ревъ. Ему сразу опалило волосы, обожгло руки; огненный вихрь захватилъ дыханіе, казалось, закружилъ его, понесъ. Онъ выскочилъ изъ полосы огня съ горящей рубахой, черный, обезумѣвшій, упалъ на горячую, обожженную землю и потерялъ сознание. Нѣсколько человѣкъ увидѣли его, подбѣжали, потушили на немъ тлѣвшую рубаху, оттащили подальше отъ пожарища...

Микоша очнулся, когда кругомъ уже было все тихо, не слышно было ни крика людей, ни шума пожара. Только дѣти оставались въ лѣсу, сторожа пожарище, чтобы отъ какой-нибудь тлѣвшей головни снова не загорѣлось.

У Микоши болѣли обожженные руки, во рту было сухо-сухо, точно внутри у него все выгорѣло. Но въ сердцѣ дрожала тихая радость: живъ, ушелъ отъ огня!..

Кто-то сидѣлъ надъ нимъ; онъ сразу не могъ разобрать—кто: солнце сквозь хвой ударяло ему прямо въ глаза, и склонившееся къ нему лицо казалось охваченнымъ такимъ же краснымъ пламенемъ, черезъ какое онъ бѣжалъ въ горящемъ лѣсу. Онъ вспомнилъ это лицо: вѣдь, онъ видѣлъ его въ эту ночь въ разбитомъ окнѣ барчановскаго дома и потомъ—въ лѣсу передъ тѣмъ, какъ онъ бросился въ огонь! Онъ подумалъ немного и тихо, про себя произнесъ:

— Анисава...

Это была она. Молодая женщина смотрѣла на него тихими, печальными глазами, но замѣтивъ движеніе его губъ, она наклонилась къ нему и ласково улыбнулась.

— Ну, вот! Такъ-то лучше!.. — пѣвуче сказала она. — Подняться не можешь? Слабъ?..

Микоша ничего не отвѣтилъ и все смотрѣлъ на нее тихо, серьезно. Потомъ удивленно спросилъ:

— Ты откуда? Почему здѣсь?..

— Всѣ тутъ были. Весь городъ! — отвѣчала Анисава. — Пожаръ тушили... Вѣтеръ въ нашу сторону билъ, кабы не поработали, городъ сожгло бы. Страшно горѣло!..

— И ты тушила?

— И я. Съ мужемъ да съ отцомъ...

Микоша приподнялся и сѣлъ.

— А гдѣ мужъ-то?

— Послала домой воды да спирту принести, тебя оттирать думала... — она заботливо поглядѣла ему въ лицо. — Ну, что? Какъ?..

— Чего мнѣ! — сказалъ Микоша и отвернулся; помолчавъ немного, глухо спросилъ. — Сердится, поди, мужъ твой, что стекла давеча билъ?..

Анисава покачала головой.

— Нѣтъ. Онъ добрый. Жалѣетъ тебя. Вѣдь, не въ своемъ умѣ ты былъ...

— Пьянъ былъ... — хмуро сказалъ Микоша и со злобой прибавилъ. — А ты ему скажи, чтобы онъ меня не жалѣлъ! Не смѣетъ жалѣть!..

Анисава тихо притронулась рукой къ его плечу:

— Зачѣмъ пьешь, Микоша?.. Губишь ты себя...

Микоша съ сердцемъ дернулъ плечомъ, словно хотѣлъ сбросить ея руку.

— Не твоя бѣда! — грубо сказалъ онъ. — Вѣдь, и такъ пропалъ!

Но Анисава не снимала руки съ его плеча и все ближе склонялась къ нему грудью; и онъ вдругъ припалъ лицомъ къ ея мягкой бѣлой шали и заплакалъ, какъ маленькое, горько обиженное дитя.

— Анисавушка, не жить мнѣ безъ тебя!.. Какъ Богъ святъ!

Анисава тоже заплакала. Она не вытирала бѣжавшихъ по лицу слезъ и, плача, говорила:

— Что жъ мнѣ дѣлать, Микоша?.. Отъ мужа и дѣтей не уйти... Ошиблась, не дождалась тебя—теперь муку несу, и ты изъ-за меня нести ее долженъ... Неужто, никогда не простишь?..

— Прощу, не прощю,—легче не станетъ. Не станетъ, Анисавушка!.. Эхъ!..—онъ оттолкнулъ ее отъ себя съ внезапно вспыхнувшей злобой.—Зналъ бы, такъ убилъ бы Савоську Кандина передъ солдатчиной!..

Анисава опустила голову.

— Онъ не виноватъ,—тихо сказала она.—Убей лучше меня...

Микоша поднялся на ноги; поднялась и Анисава. Микоша былъ еще слабъ, у него подгибались ноги,—онъ, видимо, угорѣлъ отъ лѣснаго пожара.

— Тебя убить?—онъ покачалъ головой.—Никогда рука моя на тебя не поднимется!..

Анисава вдругъ насторожилась, вглядываясь въ чашу лѣса. Тамъ, шагахъ въ тридцати отъ нихъ, кто-то шелъ, треща сухимъ валежникомъ. Анисава крикнула:

— Ау, Савушка! Здѣсь мы!..

Къ нимъ приближался маленькій, тщедушный человѣкъ, съ желтымъ лицомъ, въ длиннополомъ сюртукѣ и картузѣ съ широкимъ козырькомъ. «Лучше не нашла мужа!»—подумалъ Микоша, и его губы искривились злой усмѣшкой.

— Что долго ходилъ?—спросила Анисава.—Ужъ ничего и не надо...

— А я-то бѣжалъ, бѣжалъ,—задыхаясь, скороговоркой проговорилъ Савоська.—Запыхался, вспотѣлъ весь...

Онъ поглядѣлъ на Микошу какъ-то виновато, боязливо; Микоша, презрительно сощурившись, поглядѣлъ на него, потомъ на Анисаву и, точно отвѣчая своимъ мыслямъ, сказалъ:

— Значить, такъ...

— Я вотъ винца захватилъ,—почему-то смущаясь, заговорилъ снова Савоська, торопливо вытаскивая изъ бокового кармана своего сюртука бутылку и протягивая ее Микошѣ.— Можесть, для подкрѣпленія силъ? А?..

— Не надо!— грубо отрѣзалъ Микоша.— Пей самъ! Да вотъ еще ее, жену-то свою угости!.. Не сладко, поди, жить ей съ тобой, поганымъ такимъ!..

Онъ круто повернулся и пошелъ прочь, весь дрожа отъ ревности, ненависти, злобы. Отойдя шаговъ на десять, остановился и крикнулъ Савоськѣ, погрозивъ кулакомъ.

— Гляди, лучше не попадайся! Убью!..

Анисава опустила голову и закрыла лицо руками. Савоська выронилъ изъ рукъ бутылку и посмотрѣлъ на него съ испуганнымъ недоумѣніемъ изъ-подъ козырька своего суконнаго картуза, словно спрашивая: чего ты? что я тебѣ сдѣлалъ?

Микошѣ стало совсѣмъ нехорошо на сердцѣ. Онъ почувствовалъ себя виноватымъ передъ ними, и оттого его разбирала злость противъ нихъ. Онъ скверно выругался и пошелъ, уже не оглядываясь, прямо черезъ пожарище, еще пахнувшее дымомъ и гарью.

V.

Какой-то заходѣй челоуѣкъ принесъ извѣстіе о войнѣ, всполошившее все Заборье. А на другой день уже было объявлено о мобилизаціи всѣхъ запасныхъ, которымъ нужно было немедленно собираться въ походъ.

Микоша вытащилъ изъ своего сундучка свой военный костюмъ, опять одѣлся солдатомъ, уложилъ все необходимое для дороги и вмѣстѣ съ отцомъ отправился въ городъ.

То, что ему нужно было итти на войну, нисколько не испугало и не опечалило его. Напротивъ, въ душѣ его точно сразу водворился миръ, глубокой покой, какъ будто ему представился, наконецъ, выходъ изъ его труднаго положенія. Съ его уходомъ

все обрывалось уже окончательно; можетъ быть, онъ и не вернется уже сюда больше, не будетъ мучить Аписаву и самъ перестанетъ мучиться. Казалось, сама судьба вмѣшалась въ это дѣло, чтобы уже навсегда оторвать ихъ другъ отъ друга. Это былъ тотъ рѣшительный ударъ, который сразу кладетъ всему конецъ и послѣ котораго въ душѣ становится пусто, тихо и спокойно, какъ бываетъ, когда умираетъ близкій человѣкъ и уже нельзя больше думать о томъ, чтобы спасти его.

Жалко было только старика-отца и тетку Параню. Старуха оплакивала его такъ, словно уже знала, что онъ не вернется. А старый Жудра крѣпился и виду не показывалъ, что ему тяжело. Онъ старался даже пошутить:

— Вотъ ты опять солдатъ!—говорилъ онъ, идя рядомъ съ сыномъ и стараясь попадать ему нога въ ногу.—Ну-ка, разъ, два!

Но потомъ отворачивался и, проглотивъ вздохъ, уже грустно добавлялъ:

— Недолго погостилъ ты у насъ, Микоша. Опять дожидаться тебя со старухой будемъ... Кабы помоложе я да покрѣпче былъ, пошелъ бы воевать тоже! Съ тобой пошелъ бы, Микоша!..

У Микоши лицо было сосредоточенное, серьезное, такое, съ какимъ онъ всегда стоялъ въ церкви во время службы. Онъ шелъ на большое, важное дѣло—гдѣ ужъ тутъ было говорить о разныхъ пустякахъ!..

Много народу собралось въ городѣ изъ окрестныхъ и дальнихъ деревень; часть запасныхъ расположилась въ казармахъ, другая—въ старомъ домѣ около парка, построенномъ для стоянки рекрутовъ. Микоша долженъ былъ отправляться на слѣдующій день съ первой же партіей...

Такъ какъ призваны были запасные разныхъ годовъ, то тутъ были и молодые, только-что окончившіе службу, и бородачи, давно уже потерявшие военную выправку. Каждый постарался надѣть на себя то, что у него сохранилось отъ солдатской формы; у того на растрепанныхъ вихрахъ торчала воен-

ная, безъ околыша, фуражка, другой поверхъ рубахи на выпускъ натянулъ на себя мундиръ, который уже былъ ему узокъ и треснулъ по швамъ на плечахъ и на спинѣ; у одного на ногахъ красовались синіе съ красныхъ кантомъ штаны, у другого—только шпоры, все, что у него осталось отъ его былого уштеръ-офицерскаго великолѣпія, которыя онъ прикрѣпилъ къ своимъ пудовымъ крестьянскимъ сапогамъ. У всѣхъ лица были такія же серьезныя, торжественныя, какъ и у Микоши. Время было самое горячее—уборка сѣна и хлѣба, но объ этомъ мало говорили, упоминали, между прочимъ, какъ о чемъ-то маловажномъ; главной темой разговоровъ была неожиданно вспыхнувшая война. Достоверныхъ извѣстій еще не было—гдѣ война, съ кѣмъ; одни говорили—съ австріякомъ, другіе—съ нѣмцемъ, нѣкоторые увѣряли, что ихъ посылаютъ воевать съ туркомъ.

Тутъ же, среди парней и мужиковъ, находились и бабы, провожавшія своихъ мужей, братьевъ. Онѣ уже вволю наплакались дома и теперь только втихомолку, беззвучно заливались слезами; если которая-нибудь изъ нихъ не выдерживала и начинала голосить и причитать, на нее прикрикивали:

— Цыцъ! Помолчи!.. Не на погостъ провожаешь!..

И баба затихала, даваясь слезами.

Потолкавшись среди запасныхъ, послушавъ разнорѣчивые толки о войнѣ, Микоша рѣшилъ пойти въ городъ. Старый Жудра хотѣлъ было пойти за нимъ, Микоша велѣлъ ему остаться.

— Подожди тутъ. Приду скоро...

— Да ты куда, паря?

— Дѣло есть!—сказалъ Микоша, отворачиваясь.

Старикъ уже понялъ, что у него за дѣло, и торопливо закивалъ головой.

— Иди, иди. Я пожду. Сундукъ твой постерегу...

Микоша закоулками прошелъ къ базару, прямо къ дому купца Барчана. Онъ осторожно подобрался къ самой стѣнѣ и

заглянулъ въ окно. Ему хотѣлось передъ уходомъ повидать Анисаву.

Въ большой комнатѣ было свѣтло, на столѣ горѣла лампа, стоялъ кипящій самоваръ. Старая купчиха плакала, прячась за самоваромъ и то-и-дѣло вытирала глаза чайнымъ полотенцемъ, а купецъ, сидя за столомъ, сильно задумался, наморщивъ лобъ, подперевъ голову кулакомъ. По комнатѣ взадъ и впередъ ходила Анисава, ломая пальцы.

Видно было, что у нихъ случилось какое-то горе, точно темная туча печально нависла во всемъ домѣ...

Анисава то удалялась отъ окна, подъ которымъ стоялъ Микоша, то приближалась; уловивъ ея взглядъ, случайно брошенный на окно, Микоша поманилъ ее пальцемъ. Молодая женщина посмотрѣла на него большими, испуганными глазами, видимо, не узнавъ его въ солдатской формѣ, потомъ узнала и кивнула ему головой. Микоша видѣлъ, какъ она выскользнула въ сосѣднюю комнату и тамъ набросила на голову шаль. Онъ отошелъ къ воротамъ и сталъ ждать.

Во дворѣ отрывисто хлопнула дверь, и послышались быстрые женскіе шаги. Скрипнула калитка, Анисава, съ головой закутанная въ мягкую шаль, высунулась, протянула Микошѣ руку и потащила его за собой во дворъ.

— Что ты такъ?..—торопливымъ, испуганнымъ шепотомъ проговорила она, указывая на его костюмъ,—Тебя взяли?..

Микоша кивнулъ головой:

— Взяли...

— Значить, идешь,—все еще испуганно спрашивала Анисава, точно не вѣря.—Воевать?..

— Иду... Прощаться съ тобой пришелъ...

Глаза Анисавы наполнились слезами. Микоша притронулся къ ея рукѣ, которой она придерживала на груди концы своей шали.

— Не сердись? Анисавушка?—тихо спросилъ онъ.

Анисава вскинула на него влажные глаза.

— За что?

— Давеча обидѣлъ тебя... и твоего мужа...

Анисава покачала головой:

— Нѣтъ, не сержусь. Знаю, вѣдь, не проста ты такъ. Тяжело тебѣ видѣть его со мной...

— Тяжело, Анисавушка... Такъ бы вотъ и разорвалъ его своими руками!

— Не говори такъ, Микоша. Чѣмъ дѣти мои виноваты, что ты осиротить ихъ хочешь?..

Микоша криво усмѣхнулся:

— Не бойся, не убью. Теперь ужъ не до него мнѣ, Анисава. Уйду завтра—и конецъ. Не встрѣчаться мнѣ съ нимъ больше...

— Встрѣтишься, Микоша...—Анисава вскрикнула и прикрыла глаза рукой.—Вмѣстѣ на войну идете.

Микоша удивился:

— Развѣ взяли?

— Взяли...

Микошка нахмурился, потемнѣлъ въ лицѣ. Задумчиво протянулъ:

— Та-акъ...

И отвернулся, словно ему теперь неприятно стало смотрѣть на плачущую Анисаву.

Вдругъ онъ почувствовалъ у своей шеи теплыя руки молодой женщины; ея грудь близко-близко дышала около его груди. Анисава, плача, сказала:

— Микоша, милый, за что злобу къ нему имѣешь? Не виновать онъ, вѣдь, говорила уже тебѣ...

— Знаю, что не виновать...—хмуро отозвался Микоша, не оборачиваясь.—А... не могу...

— Пересиль, перемоги себя... Какъ увидишь его—припомни, что онъ, вѣдь, отецъ моихъ дѣтей, ихъ-то хотъ пожалѣй!..

Она прижималась къ нему все тѣснѣй, грудь ея содрогалась отъ рыданій.

— Ладно...—сказалъ Микоша дрогнувшимъ голосомъ.—Ужо перемогусь...

Онъ тихо отвелъ отъ своей шеи ея руки и отстранилъ се отъ себя.

— Правда, не надо...—прошептала Анисава, опуская голову; потомъ, какъ будто оправдываясь, прибавила со слезами на глазахъ.—Можетъ, не увижу тебя больше! Въ послѣдній, вѣдь, разъ!..

Она взяла руками его голову, притянула къ себѣ и тихо поцѣловала въ лобъ. Микоша прикоснулся губами къ ея шеѣ.

Кто-то съ улицы подошелъ и ударилъ ногой въ калитку,—они едва успѣли отскочить въ сторону. Во дворъ, шатаясь и бормоча что-то про себя, вошелъ Савоська Кандинъ. Онъ былъ, видимо, сильно пьянъ и прошелъ мимо Микоши и Анисавы, не замѣтивъ ихъ.

— Это онъ съ горя...—шепнула Анисава.—Весь день, съ утра пьеть. Со всѣми прощается. Плачетъ...

Цѣпной песъ залаялъ на Савоську, потомъ узналъ его, завертѣлся, заскулилъ. Савоська нетвердыми, пьяными шагами пошелъ къ нему и сѣлъ около собачьей будки на пустой сельдяной боченокъ. Онъ что-то говорилъ, трясъ головой, плача; песъ скулилъ, лѣзъ къ нему на колѣни и лизалъ его лицо, а онъ обнималъ собаку и самъ тихонько вылъ.

— Прощается съ собакой...—сказала Анисава, и по ея лицу струями побѣжали слезы.

Микоша смущенно откашлялся,—у него самого щекотало въ горлѣ, и въ глазахъ стояли слезы.

— Будемъ вмѣстѣ—уже поберегу его тебѣ, Анисава...—пообщалъ онъ и отвернулся, чтобы она не увидала, какъ у него задрожали губы.

Анисава схватила его за руку:

— Богъ спасетъ тебя, Микоша. Побереги мнѣ Савушку... А ужъ я буду молиться за тебя...

— Ладно. Что жь...—онъ протянулъ ей руку.—Ну, прощай, Анисава!..

— Прощай, Микоша!..

Анисава торопливо побѣжала къ крыльцу. Микоша въ нерѣшительности постоялъ немного, потомъ вдругъ повернулся и пошелъ къ Савоськѣ. Оглянувшись, онъ увидѣлъ, что молодая женщина остановилась въ дверяхъ; она ласково кивнула ему головой.

Цѣпной песь заворчалъ на Микошу. Савоська поднялъ голову, увидѣлъ его, и испуганно поднялся съ боченка. Они смотрѣли другъ на друга—одинъ со страхомъ, выставивъ впередъ руки, точно заслоняясь отъ удара, другой—съ полупрезрительной, полулукавой, кривой усмѣшкой.

— Не бойся,—сказалъ Микоша и положилъ ему на плечо руку:—сиди!..

Савоська подъ давленіемъ его руки опустился на боченокъ. Онъ ударилъ себя въ грудь, заплакалъ и вдругъ повалился Микошѣ въ ноги, бормоча заплетающимся языкомъ:

— Виноватъ передъ тобой... Прости, Бога ради... Не губи душу...

— Богъ проститъ...—серьезно сказалъ Микоша.—Виноватъ, аль не виноватъ—Онъ разберетъ. Вставай, что ли...—Онъ поднялъ его съ земли и снова посадилъ, укоризненно качая головой.—Пьянъ ты больно, говорить съ тобой нельзя по-настоящему...

— Анисаву жалко!—сказалъ Савоська и опять заплакалъ.—Ахъ, какъ жалко! Какъ жалко!..

— Ты послушай, что я тебѣ скажу!—строго сказалъ Микоша.—Не баба, вѣдь, нечего реветъ... Вмѣстѣ, слышь, идемъ воевать, такъ ты ужъ держись около меня. Коли что—не дамъ тебя неприятелю въ обиду. Понялъ, что ли?

Савоська закивалъ головой и продолжалъ твердить свое:

— За себя не боюсь... Одинъ конецъ... Анисавушку вотъ жалко... дѣтокъ...

Губы Микоши кривились недоброй усмѣшкой. Онъ старался быть съ нимъ ласковымъ, а въ сердцѣ шевелилось темное, злое чувство къ этому человѣку, отнявшему у него Анисаву, и къ ней самой, теперь для него чужой мужней женѣ. Какъ она могла выйти за такого замужъ?..

— Эхъ ты!—Микоша едва удержался отъ браннаго слова.— Пойдемъ спать, что ли!..

Онъ поднялъ его и повелъ къ дому. Савоська бормоталъ уже что-то несвязное и едва передвигалъ путавшіяся ноги. Микоша сдалъ его на руки все еще стоявшей въ дверяхъ Анисавѣ.

Молодая женщина разстроганно шепнула ему:

— Хорошій ты, Микоша... Вѣкъ буду помнить тебя!..

Она вдругъ нагнулась и поцѣловала его руку. Микоша хмуро сказалъ:

— Не попь я... Веди лучше мужа въ постель...

Онъ ушелъ, самъ не зная—любить ли онъ еще Анисаву, или только одна злоба къ ней осталась въ его сердцѣ. И не могъ онъ понять себя, что онъ будетъ дѣлать съ Савоськой: убьетъ его, или, въ самомъ дѣлѣ будетъ оберегать его для Анисавы и ея дѣтей. Все это было очень сложно, и ему трудно было разобраться въ собственныхъ чувствахъ...

VI.

Рано утромъ запасныхъ разбудилъ громкій барабанный бой. У казармъ ходилъ солдатъ и мѣрно отбивалъ сухую, тревожную дробь. Бабы съ раннего утра подняли плачь и вой; онѣ кричали стучавшему въ барабанъ солдату:

— Да перестань ты, Бога ради!.. Сердца не рви!..

А солдатъ все гремѣлъ, и грохотъ барабана разносился по всему городу, призывая тѣхъ, которые разбрелись по разнымъ домамъ и дворамъ.

Началась скучная безконечная процедура выстраиванья въ ряды, потомъ переклички. Потомъ долго томились, ожидая молебна. Запасные группами ходили на базаръ покупать сушки, хлѣбъ, чай, сахаръ; бабы шли за ними и все плакали, не переставая, утираясь передникомъ или концомъ своего головного платка.

Рано проснулись и всѣ горожане; на лугъ, окруженный съ одной стороны домами, съ другой—лѣсомъ, гдѣ должны были служить молебень, стекался народъ—купцы, чиновники, мастера съ женами и дѣтьми, почти все полуторатысячное население города.

Къ десяти часамъ на углу образовался большой кругъ—впереди стояли запасные, позади ихъ—бабы и горожане. Въ серединѣ круга находились: старенькій, совсѣмъ бѣлый, какъ лунь, священникъ съ дьякономъ и псаломщикомъ, толстый исправникъ съ краснымъ лицомъ, франтоватый въ золотомъ пенснэ чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ и бойкій, чрезвычайно подвижной, маленькій, но коренастый, съ молодецкой военной выправкой воинскій начальникъ. Позади церковнаго причта помѣщался хоръ изъ мѣстныхъ интеллигентовъ—учителей, чиновниковъ, ученицъ учительскихъ курсовъ—во главѣ съ чиновникомъ удѣльнаго вѣдомства, высокимъ, худымъ, какъ жердь, съ лысой головой и могучимъ басомъ, который задавалъ тонъ по камертону.

Во время молебна всѣ стояли съ серьезными, сосредоточенными лицами. Микоша искалъ поверхъ головъ Анисаву и, когда нашелъ, увидѣлъ, что она смотрѣла на него. У нея лицо было бѣлое, какъ бумага, глаза заплаканные, красные. Она жалко улыбнулась ему и кивнула головой. Около нея стоялъ Савоська, маленькій, желтый, сгорбленный, съ гладко прилизанными масломъ желтыми волосами.

Микоша замѣтилъ, что, когда онъ смотрѣлъ на одну Анисаву, онъ чувствовалъ, что любить ее и такъ сильно, какъ никогда раньше не любилъ, но стоило ему взглянуть на ея мужа,

какъ въ его сердцѣ поднималась жгучая злоба противъ нея, и онъ начиналъ ее ненавидѣть, какъ злѣйшаго врага. Что же будетъ потомъ, когда онъ будетъ видѣть только одного Савоську?..

«Нѣтъ,—подумалъ Мнкоша,—надо перемочься, пересилить себя!..» Онъ вслушивался въ слова, произносимыя священникомъ, въ знакомыя церковныя нагѣвы, думалъ о войнѣ, объ этомъ большомъ, важномъ дѣлѣ, возложенномъ на него и на многія тысячи такихъ же, какъ и онъ, какъ и Савоська, и тогда, къ своему удивленію, онъ уже могъ смотрѣть на мужа Анисавы безъ злобы къ нему, безъ ненависти къ ней. Они отходили куда-то назадъ, становились далекими, какъ воспоминаніе какой-то давней, утратившей свою остроту печали.

Послѣ молебна сказалъ маленькую рѣчь воинскій начальникъ. Этотъ бравый капитанъ имѣлъ зычный голосъ, и когда говорилъ, все время ходилъ передъ рядами запасныхъ съ самымъ веселымъ видомъ, стараясь, видимо, подбодрить болѣе слабыхъ духомъ.

— На вашу долю, братцы,—выкрикивалъ онъ такъ громко, чтобы всѣмъ было слышно,—выпало большое счастье! Вы идете въ походъ! Поздравляю васъ, братцы, съ походомъ!.. Отъ души завидую вамъ. Я самъ, когда закончу мобилизацію въ моемъ уѣздѣ, тоже пойду на войну, добровольцемъ! Гдѣ-нибудь въ походѣ или бою встрѣтятся съ вами... Помните, братцы, что на васъ смотритъ и молится о вашей побѣдѣ вся матушка Россія!..

Онъ закончилъ громкимъ ура, которое подхватили всѣ запасные и горожане. Потомъ зычно скандовалъ:

— Стройся!..

Быстро выстроившаяся мѣстная рота солдатъ двинулась впередъ и зашагала, мѣрно стуча сапогами,—и за ней потянулись съ сундучками на спинахъ и запасные, на ходу становясь въ ряды. Солдаты запѣли веселую пѣсню, бабы, бѣжавшія позади и сбоковъ, завывли, заголосили. Горожане шли позади, не отставая.

Прошли через городъ, къ рѣкѣ, гдѣ у пристани уже ждали двѣ завозни—большіе карбасы, въ родѣ парома, двигавшіеся при помощи огромныхъ веселъ; на этихъ завозняхъ запасные должны были переправляться на другой берегъ, а тамъ ужъ были приготовлены лошади для доставки ихъ къ ближайшей желѣзнодорожной станціи.

Огромные песчаные угоры, высившіеся по обѣимъ сторонамъ прорытаго между ними спуска къ рѣкѣ, были сплошь, съ верху до низу, усѣяны народомъ; а внизу, на самой дорогѣ, спускавшейся къ пристани, столпились запасные и провожавшіе ихъ бабы и мужики. Микоша, стиснутый со всѣхъ сторонъ, оглядывался, ища Анисаву; она стояла совсѣмъ близко, позади него, тутъ же были и ея отецъ и мужъ.

Анисава сжала Микошѣ руку и тихо сказала:

— Помни, что обѣщаль... Побереги Савву...

— Помню...—сказаль Микоша и усмѣхнулся.—Только самъ-то, можетъ, пропаду раньше...

Лицо Анисавы стало еще блѣднѣе, даже губы у нея побѣлѣли. Она больше ничего не сказала и низко опустила голову.

Купецъ Барчанъ дернулъ Микошу сзади за рукавъ и угрюмо сказаль:

— Не поминай, что ли, лихомъ, паря...

Микоша спокойно посмотрѣль на него.

— Чего ужъ!.. твое дѣло отцовское—хотѣль какъ бы лучше...

Старикъ вдругъ потянулъ его къ себѣ за руку и быстро зашепталъ ему на ухо:

— Маху я далъ—никчемный онъ человекъ.—Онъ мигнулъ на своего зятя.—Коли не вернется, твоя Анисава, такъ и знай...

— Не грѣши, старикъ!—нахмурившись, сказаль Микоша.— Это дѣло конченное. Я тебя не виню. Не судьба, значитъ, не о чемъ больше и говорить...

Купецъ смущенно, растерянно бормоталь:

— Такъ... такъ...

Анисава слышала и понимала, о чемъ они говорили, но дѣлала видъ, что не слышитъ, только кусала губы и тихонько ломала пальцы. А ея мужъ стоялъ съ опущенной головой, неподвижно, точно въ столбнякъ и, казалось, ничего не видѣлъ и не слышалъ; его лицо выражало тяжелое, тупое недоумѣніе...

Часть запасныхъ уже отчалила на двухъ завозняхъ; бабы заревѣли во весь голосъ, ихъ съ силою оттаскивали отъ пристани. Военскій начальникъ что-то крикнулъ съ берега, ему въ отвѣтъ загремѣло съ рѣки ура, прокатившееся и по угорамъ. Всѣ снимали шапки, махали платками; запасные тоже махали шапками и кричали:

— Счастливо оставаться!.. Не забывайте!..

Микошу вдругъ охватили чьи-то цѣпкія, костлявыя руки, и кто-то припалъ къ нему съ громкимъ плачемъ. Онъ обернулся и увидѣлъ тетку Параню. Старуха не выдержала и припелася изъ Заборья проводить племянника. Она плакала истерично, захлебываясь, закатывая глаза; рыданія какъ будто рвали у нея все внутри, въ ея старой груди, и она временами раскрывала ротъ и не могла схватить дыханія. Микоша уговаривалъ ее:

— Что ты, что ты, тетка Параня! Господь съ тобой!..

Старуха не унималась и все рыдала, прижимала его голову къ своей груди, крестила его, цѣловала его руки и платье. Она съ трудомъ сквозь рыданія проговорила:

— Не увижу, вѣдь... больше... Смертушка моя... Близко...

Старый Жудра не могъ больше выдержать и тоже заплакалъ.

— Правда!—сказалъ онъ, обнимая сына.—Стары мы съ Параней. Не дождемся тебя, Микоша...

Микоша и самъ прослезился, прощаясь со стариками.

Первая партія высадила на томъ берегу, и завозни вернулись за остальными. Пришла и Микошѣ съ Савоськой очередь итти на завозню. Савоська прощался со своими молча, тупо, словно не понимая, что тутъ происходитъ. Микоша отвернулся, когда Анисава цѣловала и крестила мужа.

Простившись со всѣми, Савоська растерянно посмотрѣлъ на жену, потомъ на Микошу, и его лицо вдругъ покрылось темною тѣнью тоски, какъ будто онъ только теперь пришелъ въ себя и понялъ, зачѣмъ прощается и куда идетъ. Онъ взялъ Микошу за руку и потянулъ его къ Анисавѣ.

— Прощайся, не бойсь!—сказалъ онъ, съ трудомъ справляясь со своими прыгавшими губами.—Анисавушка, поцѣлуйся съ Микошей! Любитъ, вѣдь, онъ тебя...—У него брызнули изъ глазъ слезы.—Можетъ, не вернусь, такъ ужъ онъ... такъ ужъ ты...

Онъ не договорилъ, заплакалъ, махнулъ рукой и отошелъ въ сторону.

Анисава подняла голову и взглянула на Микошу. У него въ груди точно что-то оборвалось: столько любви, муки, печали было въ ея глубокихъ, залитыхъ слезами глазахъ!..

Микоша наклонился къ ней и осторожно трижды коснулся губами ея безкровныхъ, холодныхъ губъ.

— Идите что-ли!—кричалъ воинскій начальникъ, торопя задержавшихся въ прощаніяхъ запасныхъ.

Тогда Параня съ раздирающимъ плачемъ вцѣпилась своими костлявыми пальцами въ мундиръ Микоши; ее силой оторвали отъ него. Она упала на землю и вся забилась отъ рыданій.

Микоша взялъ за руку плачущаго Савоську и потащилъ его за собой. Анисава и старый Жудра подвигались въ толпѣ за ними; у обоихъ ручьями бѣжали по лицу слезы.

Опять что-то кричалъ воинскій начальникъ толпившимся на завозняхъ заиаснымъ, и они отвѣчали ему дружнымъ ура. Завозни отчалили и поплыли. Микоша искалъ глазами оставшихся на берегу отца и Анисаву и не могъ найти, они затерялись въ толпѣ. Песчаные угоры точно двигались отъ метавшихся изъ стороны въ сторону платковъ и шапокъ провожающихъ. Оттуда доносились какіе-то крики, которыхъ уже нельзя было разобрать, и глухой, стонущій вой и ревъ осиротѣвшихъ бабъ.

Вдругъ береговые угоры точно дрогнули, многоголосое ура

огласило тихій, знойный воздухъ надъ рѣкой. И запасные съ середины рѣки отвѣтили бодро и весело, прощаясь этимъ радостнымъ крикомъ, въ которомъ, казалось, слышалось:

— Ждите! Побѣдимъ и вернемся!..

А бабы на берегу все выли и причитали; у нихъ уже не было ни голоса, ни слезъ, не было больше силъ плакать,—онѣ хрипѣли, падали, теряли сознание, и ихъ тутъ же отливали водой. Старая Параня зашлась плачемъ и ужъ не могла остановиться; она лишилась послѣднихъ своихъ силъ и не могла подняться съ земли. Жудра свезъ ее въ городскую больницу и одинъ поплелся домой, въ Заборье.

Къ утру другого дня Параня умерла.

VII.

Савоська однимъ своимъ видомъ вызывалъ въ Микошѣ глухую злобу; онъ съ трудомъ сдерживалъ ее. Мысль, что этотъ человекъ—мужъ Анисавы, ударяла Микошѣ въ голову, какъ огненная лава, у него темнѣло въ глазахъ, и кулаки сами сжимались. Онъ принуждалъ себя быть съ нимъ мягкимъ и спокойнымъ, но злость иногда прорывалась въ его голосѣ, взглядѣ, усмѣшкѣ, и Микошѣ стоило большихъ усилій подавить въ себѣ желаніе причинить ему боль, ударить, выругать его. Савоська чувствовалъ, что Микоша ненавидитъ его, и всегда имѣлъ передъ нимъ глубоко виноватый видъ. Онъ всячески старался угождать ему и, желая сдѣлать ему пріятное, часто говорилъ:

— Не вернусь я. Чуетъ мое сердце—не вернусь...

Разъ, замѣтивъ оставшійся на немъ недобрый, тяжелый взглядъ Микоши, онъ серьезно сказалъ ему:

— Вижу, не можешь ты мнѣ простить того, что я мужъ Анисавы. Тяжело это тебѣ. И мнѣ на тебя глядѣть жалко...

— Такъ что?—рѣзко сказалъ Микоша.—Ни къ чему мнѣ жалость твоя!..

— Знаю, что ни къ чему...—спокойно и какъ-то грустно-покорно продолжалъ Савоська.—Въ тебѣ злоба горитъ, а ты долженъ сдерживать себя, не можешь и пальцемъ меня тронуть—ради Анисавы-то. Только я скажу тебѣ—не стѣсняйся ты, Микоша, Анисава ничего не узнаетъ. Отведи душу свою, ну, ударь, побей меня, никому, вѣдь, ни слова не скажу, вотъ тебѣ крестъ!.. Можетъ, тебѣ отъ этого легче станетъ...

Микоша смущенно отвернулся отъ него и ничего не сказалъ. Ему стало стыдно своей злобы.

Микоша и Савоська были назначены въ одинъ полкъ, но размѣнены въ разныя роты: Микоша по своему большому росту попалъ въ передніе ряды, Савоська же—въ самый конецъ колонны, состоявшій изъ такихъ же низкорослыхъ, какъ и онъ. Оба они, какъ молодые, недавно вышедшіе въ запасъ и еще не забывшіе строевой службы (Савоська на два года раньше Микоши отбывалъ воинскую повинность) тотчасъ же были отправлены къ мѣсту военныхъ дѣйствій. Къ границѣ ихъ полкъ былъ доставленъ по желѣзной дорогѣ, и въ тотъ же день они вступили на нѣмецкую землю.

Въ теченіе цѣлаго дня они нигдѣ не встрѣтили непріятельскихъ войскъ. Въ деревняхъ, попадавшихся на пути, кое-гдѣ горѣли дома, бродили безъ присмотра стада коровъ и овецъ, хлѣба были скошены, но не убраны, людей не было видно. Полное безлюдіе и тишина брошенности царили въ селеніяхъ и поляхъ. Въ отдаленныхъ имѣніяхъ и фермахъ тоже было пусто; въ домахъ все оставалось на своихъ мѣстахъ, какъ будто хозяева только что встали и ушли.

Когда наступила ночь, полкъ остановился на ночевку. Но палатокъ не разбивали и костровъ не разводили, опасаясь, чтобы непріятель не замѣтилъ огней и не произвелъ внезапнаго нападенія. Солдаты легли спать безъ ужина, прямо на землю, подъ открытымъ небомъ.

Рано утромъ всѣ проснулись отъ отдаленнаго орудійнаго грома. Микоша поднялъ голову, прислушался,—въ груди его

что-то глухо, тревожно заняло. «Вотъ оно!» подумалъ онъ: «Близко!..» Ему не было страшно, только томила неизвѣстность, близость чего-то огромнаго, невѣдомаго, небывалаго въ его жизни...

Въ его плечо вдругъ кто-то судорожно вцѣпился. Микоша оглянулся — Савоська.

— Ты зачѣмъ здѣсь?—спросилъ онъ удивленно.— Иди къ своимъ!.

На Савоськѣ лица не было, онъ былъ изжелта блѣденъ, губы его прыгали, зубы стучали. Онъ съ трудомъ проговорилъ:

— Палятъ!.. Слышишь?..

— Слышу!—усмѣхнулся Микоша:—А ты думалъ какъ — на войнѣ да чтобъ не палили?.. На то и война!..

Къ своему удивленію, онъ не чувствовалъ теперь къ Савоськѣ никакой злобы; напротивъ, ему было жалко его, въ немъ шевельнулось чувство заботливости къ этому слабому, безпомощному человѣку. Онъ ласково похлопалъ его по плечу и сказалъ, смѣясь, стараясь подбодрить его:

— Ты не думай, что страшно—и не будешь бояться. Самъ, небось, съ ружьемъ—тоже можешь убивать!..

Савоська покачалъ головой:

— Не смогу... Видитъ Богъ... Рука не поднимется...

Но разговаривать дальше нельзя было; кругомъ солдаты поднимались съ земли, торопливо строились. Офицеры предупреждали солдатъ о близкомъ сраженіи и давали короткія наставленія, какъ вести себя въ бою. Савоська бросился бѣжать къ своей ротѣ.

Снова двинулись. Грохотъ орудій слышался все ближе и ближе. Непрiятеля не было видно, но въ воздухѣ скоро замелькали орудійные снаряды, со свистомъ и шипѣніемъ пролетавшіе высоко надъ головами солдатъ. Сначала снаряды перелетали и гадали далеко позади, за колоннами войскъ, потомъ стали постепенно приближаться. И вотъ — сразу въ двухъ-трехъ мѣстахъ среди людей раздалась взрывы, вырвавшіе изъ рядовъ по

и несколько человек. За ними—еще и еще. Къ грохоту орудій откуда-то со стороны присоединился трескъ пулеметовъ и ружей. Микоша видѣлъ, какъ падали люди то здѣсь, то тамъ. Вотъ упалъ, взмахнувъ руками, совсѣмъ близко около него молодой офицеръ,—упалъ и лежитъ неподвижно: у него маленькая ранка на лбу—и моментальная смерть!.. Немного дальше солдаты кривнулись:

— Братцы!..

И тоже повалился и не движется...

И въ другихъ рядахъ падаютъ и падаютъ,—тѣ убиты, другіе ранены...

А полкъ все идетъ и идетъ; солдаты шагаютъ молча, сосредоточенно, лица у нихъ спокойныя, серьезныя...

Микоша думаетъ: «Живъ ли Савоська?..» Передъ нимъ вдругъ при мысли о Савоськѣ всплываетъ блѣдное лицо Анисавы съ заплаканными глазами, глядящими на него съ любовью, мукой, печалью. И увидѣвъ такъ ясно ея лицо, Микоша сожалеетъ, что Савоська не съ нимъ. «Мужъ онъ, вѣдь, ей, дѣти у ней отъ него,—побережь бы его падо; ранять—подобрать бы, да къ лазарету снести...»

Снаряды все летятъ и летятъ, развертываются бѣлые клубки рвущейся шрапнели, безпрерывно трещатъ гдѣ-то въ сторонѣ ружья и пулеметы. И уже ухо привыкаетъ къ этому грохоту и треску, а мысль—къ возможности близкой смерти...

Потомъ вдругъ все сразу стихло.

Справа потянулся лѣсъ, слѣва—раскинулось большое село; за лѣсомъ, какъ потомъ оказалось, тоже была деревня, въ которой и засѣлъ непріятель.

Войска остановились недалеко отъ лѣса и рассыпались въ цѣпь. Полчаса прошло въ молчаніи, точно и здѣсь и тамъ, за лѣсомъ, къ чему-то осторожно готовились... День былъ жаркій, безоблачный, тишина стояла такая, что слышно было, какъ жужжали комары.

И вотъ гдѣ-то совсѣмъ близко громко и рѣшительно гря-

нули одинъ за другимъ десять пушечныхъ выстрѣловъ. Наша батарея! — догадался Микоша и, поднявъ голову, увидѣлъ удалявшіеся съ воемъ и гудѣніемъ снаряды. Они гулко взорвались гдѣ-то за лѣсомъ.

И сейчасъ же, словно отвѣчая, раздались и за лѣсомъ громкіе орудіиные выстрѣлы, и оттуда, какъ стайка птицъ, догоня одна другую, вылетѣло нѣсколько шрапнелей. Микоша, затаивъ дыхание, слѣдилъ — гдѣ онѣ упадутъ. Онѣ разорвались гдѣ-то далеко позади.

Опять съ этой стороны грянули выстрѣлы и оттуда тотчасъ же отвѣтили; страшныя орудія точно вели разговоръ, передавая другъ другу какія-то убійственныя вѣсти...

Скоро за лѣсомъ показался дымъ—это загорѣлась отъ снарядовъ деревня, въ которой сидѣлъ непріятель. Потомъ вдругъ послышался сильный взрывъ, отъ котораго, казалось, всколыхнулся весь лѣсъ, и непріятельская батарея замолкла. Ближайшій къ Микошѣ офицеръ объяснилъ солдатамъ:

— Наши снаряды разбили ихъ снарядные ящики...

Савоська опять вдругъ очутился около Микоши. Видно было, что онъ уже немного привыкъ къ пальбѣ, но онъ все еще былъ блѣденъ и часто вздрагивалъ. Онъ смущенно усмѣхнулся и сказалъ:

— Я попросился къ тебѣ. Ужо тутъ побуду...

— Ладно, побудь... — согласился Микоша и ласково прибавилъ. — Ты только не бойся, братъ. Только не бойся...

— Я не боюсь... — сказалъ Савоська, дѣлая усиліе, чтобы удержать задрожавшія губы...

Пулеметы и ружья продолжали трещать, пули непрерывно жужжали; онѣ ударили въ стволы деревьевъ, обрывали листья, ломали вѣтви, иногда безшумно вонзались въ людей, и тѣ безъ звука падали, или, оставивъ ружье, перевязывали платкомъ выше раны прострѣленную руку или ногу.

Цѣпь солдатъ медленно подвигалась впередъ; падъ лѣсомъ, отъ горящей деревни, валилъ густой, черный дымъ, застилавшій

солнце. Отъ этого дыма въ лѣсу становилось сумрачно, и ярко поблескивали огоньками ружейные выстрѣлы въ его зеленомъ полумракѣ.

Савоська и Микоша шли рядомъ, отстрѣливаясь; ружейные выстрѣлы непріятеля раздавались все ближе, и скоро сквозь деревья замелькали полосы огня отъ ихъ залповъ и стала видна непріятельская цѣпь. Микоша вдругъ увидѣлъ своихъ бѣжавшихъ мимо него на непріятеля съ ружьями на перевѣсѣ, и онъ самъ бросился впередъ, увлекая за собой и Савоську.

Люди падали кругомъ, точно подкошенные, а сзади набѣгали другіе, прыгали черезъ убитыхъ и раненыхъ. Гдѣ-то близко что-то оглушительно затрещало. «Пулеметъ!» — подумалъ Микоша, но не было времени соображать — откуда, съ какой стороны сыпался огненный дождь. Онъ только оглянулся на Савоську — здѣсь ли онъ, и увидѣлъ его близко около себя съ какимъ-то страннымъ, точно не живымъ лицомъ, на которомъ, какъ гвозди, торчали остановившіеся безумные глаза. Савоська не отставалъ отъ Микоши и тоже держалъ ружье на перевѣсѣ, но видно было, что онъ ничего не сознавалъ и бѣжалъ только потому, что всѣ кругомъ него бѣжали.

Впереди уже шелъ штыковой бой, а позади все еще трещали ружья и пулеметы. Микоша вмѣстѣ съ другими ворвался въ непріятельскіе окопы, заваленные грудями мертвыхъ тѣлъ. Два непріятельскіе солдата бросились къ нему, выставивъ впередъ окровавленные штыки своихъ ружей.

Микоша остановился на мгновение — не потому, что испугался ихъ штыковъ, а отъ внезапно ударившей въ голову мысли: неужели онъ проткнетъ штыкомъ живое человѣческое тѣло? Вслѣдъ за этой мыслью съ быстротой молніи вонзилась въ мозгъ другая — мысль-воспоминаніе о первомъ знакомствѣ съ Анисавой, когда она, лаская убитыхъ имъ мертвыхъ птицъ, спросила: «Неужели, тебѣ не жалко убивать ихъ?..» «

«То были птицы, а туть...» Онъ не успѣлъ до конца додумать эту мысль, какъ въ голову ударило новое соображеніе—

если онъ не убьетъ ихъ, то они убьютъ его! И онъ бросился впередъ, движимый инстинктивнымъ чувствомъ самосохраненія, выставивъ передъ собой ружье.

Онъ вдругъ ощутилъ легкій толчокъ, заставившій его немного податься назадъ; его штыкъ за что-то зацѣпился, онъ нажалъ на него, чтобы продвинуться впередъ—и весь содрогнулся отъ отвращенія и ужаса, почувствовавъ, что его штыкъ вонзился во что-то мягкое. Непрительскій солдатъ выронилъ свое ружье и схватился у живота за дуло микошинаго ружья; молодое, безусое лицо его сразу стало бѣлымъ, онъ согнулся вдвое и упалъ на колѣни. Микоша вскрикнулъ, точно удивился такой неожиданной бѣдѣ:

— Ахъ, ты, Господи!..

И судорожно отдернулъ назадъ свое ружье.

Раненый солдатъ повалился на-бокъ и задергался всѣмъ тѣломъ.

Все это продолжалось не больше одной секунды, штыкъ второго непрительскаго солдата Микоша поймалъ рукой у самой своей груди и, съ силой отбросивъ его въ сторону, быстро выдвинулъ впередъ свое ружье—и опять ощутилъ то же содроганіе.

Не успѣлъ онъ расправиться съ этими двумя, какъ передъ нимъ откуда-то выросли новые, потомъ еще и еще. И уже почти ничего не сознавая, ничего не чувствуя, весь охваченный неудержимымъ порывомъ смертельной борьбы, онъ непрерывно работалъ своимъ штыкомъ, вертясь во всѣ стороны, отбивая нападенія и нанося удары. Со штыка по дулу ружья сбѣгала кровь до самаго приклада; руки его прилипли къ винтовкѣ, какъ будто приросли къ ней и составляли вмѣстѣ съ ней одно ужасное орудіе смерти. Онъ уже не испытывалъ ни ужаса, ни отвращенія отъ вида крови, ранъ, смерти; жестокій инстинктъ самосохраненія побѣждалъ всѣ чувства: нужно было убивать, чтобы не быть самому убитымъ...

Ружейная и пулеметная пальба вдругъ прекратилась, и тогда въ воцарившейся внезапно тишинѣ слышались тяже-

лые, глухие стоны раненыхъ, умирающихъ, желѣзный лязгъ сталкивавшихся штыковъ, хрипья ругательства дерущихся. Микоша услышалъ позади себя странный, протяжный звукъ, похожій на собачій вой, и ему сейчасъ же пришло въ голову: «Это Савоська!..» Онъ обернулся и, дѣйствительно, увидѣлъ Савоську, отбивавшагося ружьемъ наотмашь отъ непріятельскаго солдата, пытавшагося то съ одной, то съ другой стороны воткнуть въ него свой штыкъ. Лицо у Савоськи было сѣрое, землистаго цвѣта, полуоткрытый ротъ перекоился, и изъ него то вырывался этотъ крикъ смертельнаго страха, похожій на собачій вой.

— Держись, милый!—крикнулъ ему Микоша и въ два прыжка очутился около него.

Солдатъ, сдѣлавшій въ эту минуту выпадъ на Савоську, напоролся бедромъ на штыкъ Микоши...

VIII.

Бой подходилъ къ концу. Непріятельская цѣпь, сильно порѣдѣвшая, не выдержала натиска и дрогнула. Вспыхнуло и понеслось по окопамъ громкое, побѣдное, торжествующее ура, — Микошу подхватилъ какой-то бѣшеный вихрь и поиесъ вслѣдъ за бѣжавшимъ непріателемъ.

Словно широкая, бурная весенняя вода влилась человѣческая масса въ пылающую деревню. Опять затрещали ружья, завыли пулеметы; непріятель стрѣлялъ изъ-за заборовъ, изъ оконъ избъ, каждый дворъ, каждую избу приходилось брать съ бою. По разоренной деревенской улицѣ бѣжали толпы непріятельскихъ солдатъ, преслѣдуемые пулями и штыками. А гдѣ-то въ отдаленіи завыли, загрохотали непріятельскія батареи, прикрывавшія бѣгство своихъ разбитыхъ полковъ...

Въ неудержимомъ вихрѣ преслѣдовація врага Микоша снова потерялъ Савоську изъ виду и увидѣлъ его уже въ деревнѣ,

бѣгущимъ впереди него и побѣдоносно размахивающимъ ружьемъ. Общее движеніе, чувство торжества, повидимому, захватило и его; онъ бѣжалъ, обгоняя другихъ, и грозилъ ружьемъ убѣгающему неприятелю...

Но почти тотчасъ же, какъ Микоша его увидѣлъ, съ Савоськой случилось что-то странное: онъ какъ-будто споткнулся, упалъ на колѣни, поднялся, пробѣжалъ еще нѣсколько шаговъ слова споткнулся и, выронивъ ружье, ткнулся лицомъ въ землю. «Неужто убить? — подумалъ на бѣгу Микоша. — Эхъ, не убе-регъ!..

Когда Микоша подбѣжалъ къ нему, онъ уже сидѣлъ, опираясь рукой на землю. Лицо его выражало недоумѣніе, губы кривились, точно онъ собирался заплакать. Онъ походилъ на маленькаго, безпомощнаго ребенка, съ которымъ случилось что-то страшное, и онъ не понималъ, что съ нимъ случилось. Горячая волна жалости, нѣжности къ нему залила грудь Микоши.

— Что, Савосья? — спросилъ онъ, наклоняясь къ нему. — Раненъ? Куда?..

Савоська жалко улыбнулся и показалъ ему на ногу; изъ пробитаго на щиколоткѣ пулей сапога сочилась кровь.

— Должно быть, кость перебило... — сказалъ онъ, недоумѣнно поднявъ брови. — Ступить не могу...

Микоша помогъ ему подняться. Савоська, въ самомъ дѣлѣ, не могъ стоять на ногахъ.

— Обопрись-ка о меня! Обойми рукой за шею! — приказалъ ему Микоша.

Савоська покорно съ той же жалкой, застѣнчивой улыбкой обхватилъ его шею руками. Здоровый Микоша подхватилъ и поднялъ его одной рукой, какъ ребенка. Онъ понесъ его назадъ, свернувъ съ дороги къ заборамъ, чтобы не быть сбитымъ съ ногъ бѣжавшей лавиной солдатъ, преслѣдовавшихъ неприятеля.

Неприятельскія батареи осыпали деревню снарядами; въ воздухѣ гудѣла и рвалась шрапнель; со свистомъ и злобщимъ

жужжаньемъ летѣли откуда-то ружейныя пули. Савоська прижимался къ Микошѣ, бормоча дрожавшими губами:

— Господи, спаси и помилуй...

Микоша шелъ ровнымъ, быстрымъ шагомъ, одной рукой держа Савоську, другой волоча по землѣ ружье. Странной, теплой радостью наполняла его близость тщедушнаго, слабого тѣла Савоськи. Казалось, точно часть Анисавы была тутъ съ нимъ, и онъ радовался тому, что въ его сердцѣ не было больше злобы къ этому человѣку. «Обѣщался побережь — такъ ужъ надо!..» думалъ онъ, тѣснѣе прижимая къ себѣ раненаго.

За деревней тотчасъ же начались окопы, изъ которыхъ только что былъ выбитъ непріятель, полные труповъ и корчившихся, громко столавшихъ раненыхъ. Савоська въ ужасѣ зажмуриль глаза.

— Ихъ-то, ихъ кто подбереть?—сказалъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.—Можетъ, бросилъ бы ты и меня тутъ—помирать, такъ ужъ со всѣми...

— Не бойсь...—успокоилъ его Микоша.—Санитары подберуть... А тебѣ не помереть — только, можетъ, охромѣешь...

За окопами тянулся лѣсокъ, съ котораго и начата была атака на непріятеля. Тутъ было совсѣмъ тихо; глухо доносилась орудійная пальба, снаряды и пули сюда не долетали. И здѣсь много было убитыхъ и раненыхъ, и стоялъ непрерывный стонъ.

— Санитаровъ пришли!.. Поскорѣй, Бога ради!..—кричали Микошѣ вслѣдъ.

Эти крики и стоны всю дорогу провожали ихъ.

Лѣсокъ былъ небольшой. Микоша удивился, что такъ скоро выбрался на опушку; когда шли черезъ него подъ огнемъ на непріятеля, онъ представлялся безконечнымъ, и каждая минута казалась цѣлой вѣчностью.

На опушкѣ санитары уже подбирали раненыхъ и частью на носилкахъ, частью на походныхъ повозкахъ отправляли въ стоявшій неподалеку полевой лазаретъ.

Микоша сдалъ санитарамъ Савоську. На прощаніе обнялъ и поцѣловалъ его.

— Поклонись Анисавѣ...—сказалъ онъ серьезно и спокойно.—Въ строй-то ужъ ты, видно, не вернешься, такъ увидишь ее скоро. Скажи, чтобъ не забывала... Прощай, братъ...—Онъ подумалъ немного и прибавилъ, уже тише, дрогнувшимъ голосомъ:—и еще поклонись моему старику и теткѣ Паранѣ...

Савоська всхлипнулъ, поймалъ его руку и стиснулъ ее.

— Прости, коли что...—сказалъ онъ, плача.—А ужъ я въ вѣкъ тебя не забуду!..

— Ладно!—сказалъ Микоша.—Чего ужъ...

Савоську повезли къ лазарету, а Микоша снова зашагалъ къ лѣсу.

Онъ чувствовалъ себя теперь какъ-то особенно бодро и весело, точно гора съ плечъ свалилась. И непріятеля одолѣли, и Савоську онъ уберегъ, какъ обѣщалъ Анисавѣ и, главное, въ сердцѣ у него не было больше ни злобы, ни тоски. Онъ вспомнилъ, какъ его отецъ каждое утро посматривалъ на него, ожидая, чтобы Микоша оправился, наконецъ, отъ своей бѣды и опять сталъ веселымъ, живымъ, бодрымъ—и такъ и не дождался; вонъ когда только и гдѣ ему пришлось оправиться! Старику, можетъ, и не придется уже увидѣть его такимъ!..

Раненые въ лѣсу стонали и звали на помощь; Микоша тогда дѣло успокаивалъ ихъ:

— Идутъ санитары!.. Миленькіе вы мои, родные, потерпите маленько...

Онъ ускорялъ шаги, торопясь вернуться въ деревню, откуда еще доносилась пальба сраженія. Въ лѣсу становилось темнѣе,—солнце уже садилось, только на полянахъ еще бродили пятна золотистаго свѣта, выдѣляя изъ зеленого сумрака то стволъ березы, то желтое лицо убитаго солдата, то стальное дуло брошеннаго на затоптанную траву ружья. По верхушкамъ деревьевъ шель свѣжій, предвечерній вѣтерокъ, и какимъ-то особеннымъ мнромъ и тишиной вѣяло отъ легкаго ше-

леста древесныхъ листьевъ, бѣжавшаго падъ лѣснымъ сумракомъ, полнымъ страданія и смерти.

Микоша былъ уже въ самой серединѣ лѣса, какъ вдругъ произошло что-то странное, чего онъ въ первую минуту да и потомъ такъ и не осмыслилъ. Прямо передъ нимъ, шагахъ въ десяти отъ него, изъ груды мертвыхъ тѣлъ вдругъ приподнялся на локтѣ солдатъ, по формѣ—непріятельскій, видимо раненый—у него лицо и грудь были залиты кровью; онъ подался впередъ, вытянулъ руки, пригнулъ къ плечу голову и такъ и смотрѣлъ на Микошу остановившимися, похожими на стальные острія, глазами. «Чего это онъ смотритъ?—подумалъ Микоша, невольно остановившись.—Поди, умираетъ»...

И только онъ это подумалъ, какъ передъ нимъ вдругъ блеснулъ огонекъ и грянулъ выстрѣлъ. Микошу сильно ударило въ грудь, горячая волна подкатила и сжала горло; онъ открылъ ротъ, чтобы схватить воздуха—и не могъ. А ноги какъ будто сами подгибались, и онъ сталъ падать, хватая руками воздухъ, чтобы за что-нибудь зацѣпиться. Онъ олустился сначала на колѣни, потомъ упалъ на бокъ и перевернулся на спину. Въ глазахъ сразу стало темно—онъ не успѣлъ даже подумать, что это съ нимъ, и потерялъ сознание.

Когда онъ очнулся, стояла ночь. Прямо передъ нимъ свѣтила въ небѣ луна, освѣщая круглую поляну посреди рѣдкой березовой рощи. Микоша ничего не помнилъ и не понималъ, что съ нимъ случилось, почему онъ здѣсь лежитъ.

Онъ не могъ ни встать, ни пошевелинуться; все тѣло точно было налито свинцомъ, а грудь—огнемъ, дышать было трудно и больно. Онъ смотрѣлъ на луну, не мигая, и ему казалось, что она все ниже и ниже опускается къ нему; вотъ она уже, совсѣмъ близко, и онъ видитъ, что это вовсе не луна, а блѣдное лицо Анисавы. Она смотритъ прямо ему въ глаза своими глубокими, темными глазами, и у него въ груди отъ ея глазъ становится легко-легко, и сердце сладко, блаженно замираетъ.

Онъ видитъ въ этихъ глазахъ свой родной край—тихую

широкую Вагу съ еловыми и сосновыми лѣсами по берегамъ, съ золотыми зорями негаснущихъ бѣлыхъ ночей; тамъ—рѣчные заводи, гдѣ онъ съ отцомъ ловилъ рыбу, тамъ—чащи лѣсныя, гдѣ онъ бродилъ съ ружьемъ; а тамъ—милое Заборье съ роднымъ домомъ, со старикомъ Жудрой, съ теткой Параней, а тамъ—маленькій, затерянный въ лѣсахъ городокъ, съ бѣлой высокой церковью женскаго монастыря, такъ весело гудящей на зарѣ колоколами, съ нѣжной, красивой Анисавой, отъ взгляда которой такъ легко и радостно становится на сердце.

У Микоши изъ глазъ бѣгутъ слезы; онъ тихо плачетъ и шепчетъ, чуть шевеля бѣлыми, безкровными губами:

— Анисава, ты?.. Анисавушка?..

Анисава низко къ нему склоняется. Ея голосъ похожъ на шелестъ листьевъ древесныхъ:

— Я, Микоша...

— Любовь я тебѣ, скажи по сердцу?..

— Любовь, Микоша...

— Поцѣлуешь меня, Анисавушка?..

— Поцѣлую, Микоша...

Она еще ниже склоняетъ къ нему свое блѣдное лицо и цѣлуетъ его прямо въ губы.

У нея холодныя, холодныя губы. Отъ ихъ поцѣлуя гаснетъ у него въ груди огонь, все тѣло словно наливается ледянымъ холодомъ.

Онъ устало закрываетъ глаза и сквозь закрытыя вѣки все еще видитъ свѣтлую, сіяющую бѣлизну ея нѣжнаго лица. Онъ пробуетъ пошевелить губами и не можетъ; и онъ внутренно произноситъ:

— Анисавушка...

Но Анисава не отвѣчаетъ. Ея лицо какъ будто темнѣетъ, словно она удаляется отъ него. И ему становится одиноко, одиноко.

Откуда-то издалика чуть слышно долетаетъ до него:

— Микоша...

И тихая улыбка смерти ложится на его блѣдныя, безкровныя губы.

Спрятавшаяся было за облака луна выплываетъ и снова озаряетъ лѣсную поляну. Раненыхъ уже убрали, только мертвые лежатъ здѣсь и смотрятъ на луну неподвижными стеклянными глазами. И она смотритъ на нихъ.